

Российские корейцы:
всесилие власти и
бесправие этнической
общности
1920 – 1930

Жанна Сон

서
러
운
風
說
이
돌
아
트
습
니
다

Москва
2013

Russian Koreans:
the absolute power and
rightlessness
of an ethnic community
1920 – 1930

Zhanna Son

서
러
운
風
說
이
돌
아
옵니다

Moskow
2013

러시아 한인들:
절대적 국가권력과
힘 없는 약소민족
1920 - 1930

송 잔나

서
러
운
風
說
이
돌
아
옵니다

모스크바
2013

*Посвящается светлой памяти
моего деда Ли Вонсу – представителя
российской интеллигенции 1930-х годов
и всем жертвам политических
репрессий в Союзе ССР*

Введение

Необратимые процессы глобализации привели современный мир к актуализации этнических проблем, включая и межэтнические конфликты. Чем сильнее «вызовы» современности, тем с большей настойчивостью народы стремятся сохранить свою самобытную культуру, а также стабильные межэтнические толерантные отношения в целом. В подобной ситуации необходима новая стратегия, способная интегрировать в процесс глобализации общечеловеческое и этническое.

Вопросы межэтнических проблем особенно актуальны для такой полиэтничной страны, как Россия. Взаимодействие различных этнических общностей в едином культурном, географическом и политическом пространстве отличается своими особенностями. Рассмотрение отдельной этнической общности как органичной части целого позволяет определить процессы, происходящие внутри самой общности, и во взаимоотношениях ее с другими общностями.

События, происходящие после распада СССР, выявили, что направление развития общества, определенные Конституцией Российской

Федерации (1993), а также Концепцией государственной национальной политики Российской Федерации (1996) и другими нормативно-правовыми актами российского государства, не достаточны для обеспечения стабильности мира и спокойствия в многонациональном государстве. Очевидно, для решения этих задач необходимо на практике сформулировать, прежде всего, толерантное отношение между этническими общностями, населяющими территорию России, к истории страны.

Всесторонний анализ отечественного как положительного, так и отрицательного исторического опыта, позволит использовать его в осуществлении консолидации более 180 народов государства, сохранении его целостности, сформировать определенные установки толерантности, возродить истоки воспитания патриотизма и культуры межэтнического общения.

В условиях существования правового российского государства возникает и необходимость изучения истории самой государственности, роли и места этнических общностей в построении нового гражданского общества.

Изучение истории национальных меньшинств на примере корейской общности, ее роли в развитии политической, экономической и культурной жизни Советского Союза в 1920–1930-е гг., в один из сложных периодов развития государственности, представляет не только научный, но и в значительной степени практический интерес. Для совершенствования форм взаимодействия по вектору «народы и власть» в современной жизни, необходимо более глубокое изучение и понимание государственной национальной политики, сущности командно-административной системы управления советским обществом.

В современных условиях, по нашему мнению, важен обстоятельный анализ событий в советский период истории, включающий и такие сложные вопросы как роль и место политических репрессий, их воздействие на все стороны общественно-политической жизни корейской общности. Это позволяет также выявить степень влияния как внешнеполитических, так и

внутриполитических событий на состояние общества, формирование самосознания и национального сознания, консолидации сообществ в условиях Союза ССР.

Только на основе объективного анализа событий с учетом статистического фактора, в довоенный период, представляется возможным определить действительные потери среди корейской общности в ходе политических репрессий. На основе архивных материалов показать ущерб, нанесенный репрессивными мерами положению корейцев на рубеже 1920–1930-х гг. Заключительным этапом этого периода явилась депортация корейского населения с территории Дальнего Востока в 1937 году.

Особый интерес в этом плане представляет направленность государственной национальной политики, проводившейся по отношению ко всему населению Советского Союза. В связи с этим важно изучение процесса выработки форм и механизмов управления этническими общностями, подтверждение неэффективности переселенческой политики по развитию правового гражданского общества, составной частью которого остаются советские корейцы.

Изучение законодательной базы карательного аппарата, методов и средств репрессивных воздействий на граждан своего государства позволяет сделать вывод, что государственная национальная политика в Союзе ССР, основанная на командно-административном режиме, оставалась губительной для народов и не должна повторяться в будущем.

Достижение единства правового, политического, социально-экономического пространства, единства в сфере развития культуры народов России принимает в государстве необратимый характер. В связи с этим особую важность приобретают следующие приоритетные направления:

- формирование политических и гражданских ценностей;
- воспитание культуры межэтнического общения;
- формирование установок толерантности.

Именно с решением этих задач связана и проблема национальной самоидентификации общества, решение которой невозможно без прочного и обоснованного исторического фундамента, идеологической основы.

Тема сталинизма остается одной из самых важных и дискутируемых с точки зрения динамики национальной политики, межэтнических отношений и этнокультурных процессов. Основное внимание уделяется не столько «жизни национальностей», сколько формированию политики власти в отношении той или иной этнической общности, прежде всего в плане трансформации облика и существа советской государственности.

Большинство исследователей темы признают, что в условиях сталинизма проявился амбивалентный характер политики в отношении многоэтничности (он имел место и в Российской империи, но с иным наполнением). Так, с одной стороны, полагают, что в советское время была осуществлена грандиозная по своим масштабам, содержанию и последствиям модернизационная политика в целях политического самоопределения, повышения образовательного уровня, индустриализации и урбанизации этнических общностей страны. Был узаконен примордиалистский подход к этничности (в кадровой, социально-экономической политике и пр.), что объективно «разводило» этнические общности по отдельным советским коммунальным квартирам, причем не только с точки зрения национально-государственного строительства¹.

Зарубежные исследователи А. Каппеллер и др. считают, что «господство надэтнической, космополитической коммунистической идеологии имело интегрирующую направленность, воплощенную, в частности в известном тезисе о советской культуре – социалистической по содержанию и национальной по форме. Но механический характер такого объединения при сильной политизации национального вопроса, отсутствии гражданского общества, партнерских отношений в социальных и

¹ См.: Аманжолова Д.А. Сталинизм в национальной политике: некоторые вопросы историографии / Историография сталинизма. Сборник статей. Ред. Н.А. Симония. М., 2007. С. 322.

политических структурах и возможности для реализации личности не снимал реальной напряженности в столь тонкой и чувствительной сфере, как этничность»².

В.А. Тишков отмечает, что «советская идеология и политическая практика провозглашали интернационализм, но, в то же время насаждали взаимоисключающие этнические лояльности через систему официальной регистрации «национальности» и через территориализацию этничности на принципах «социалистического» (этнического) федерализма»³.

Анализ развития основных тенденций этнополитических процессов показывает, что манифестные проявления этнического фактора в конце периода советской истории стали не просто реакцией на репрессии и дискриминацию в отношении недоминирующих групп. Они были и результатом целенаправленных усилий Советского государства по созданию престижных институтов внутренних национально-государственных образований и этнических элит (политика «коренизации» 1920–1930-х гг. и прорыв нерусских национальностей в области образования и социальной и этнической мобильности в 1960–1980-е гг.).

² См.: *Канпелер А.* Россия – многонациональная империя. М., 1997; *Чешко С.В.* Современные мифологемы, или национальный вопрос в СССР // Национальные процессы в СССР. М., 1991. С. 87–97; *Ненароков А.П.* Крах попыток прогностического анализа межнациональных отношений // Отечественная история. 1992. № 2; *Он же.* Семьдесят лет назад: национальный вопрос на XII съезде РКП(б) // Отечественная история. 1993. № 6, 1994. № 1; *Тишков В.А.* Россия как многонациональная общность и перспективы межэтнического согласия // Россия в третьем тысячелетии. Серия «Политология». Вып. IV. М., 1994. С. 4–7; *Он же.* Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) // Этничность и власть в полиэтничных государствах. М., 1994. С. 15–27; *Он же.* Этнология и политика. М., 2001; *Павленко С.* Новый федерализм: интрига и контринтрига // Pro et Contra. 1997. Т. 2. Весна. Распад и рождение государств // <http://pubs.carnegie.ru/p&c/Vol2-1997/2/toc/asp>; *Валентей С.Д.* Федерализм: российская история и российская реальность. М., 1998; *Каспэ С.И.* Империя и модернизация: общая модель и российская специфика. М., 2001; *Чешко С.В.* Кризис доктрины самоопределения // Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 3–8; *Дельмаев Х.В.* Либерализм и национальный вопрос. М., 2002; *Чеботарева В. Г.* Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики. 1917–1924 гг. М., 2003. 853 с.; *Маркедонов С.* Российская национальная политика – гражданство против «крови» // Логос. 2005. № 1 (46). С. 310–314; *Суни Р.* в статье «Социализм, постсоциализм и нормативная модерность: Размышления об истории СССР» // Ab imperio. 2002. № 2, 7; *Ремизов М.* «Почему русские никак не могут стать россиянами» // Комсомольская правда. 2011. 13 декабря; *Тишков В.В., Шаббаев Ю.П.* Этнополитология: политические функции этничности. Учебник для вузов. М., 2011; *Тишков В.В.* Национализм и выборные кампании // Вестник Российской нации. 2012. № 2–3. С. 72–90; *Путин В.В.* Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23 января 2012; *Путин В.В.* Выступление на инаугурации Президента России 7 мая 2012 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://президент.рф> и др.

³ См.: *Тишков В.А.* Россия как многонациональная общность и перспективы межэтнического согласия // Россия в третьем тысячелетии. Серия «Политология». Вып. IV. М., 1994. С. 83.

Страна, избравшая «путь морального возрождения, демократии и законности», должна была пересмотреть по-новому принципы формирования самосознания⁴ и национального сознания⁵ масс, внести коррективы в национальную государственную политику, осудить массовые репрессии, «считая их несовместимыми с нормами цивилизации», Основным Законом государства – Конституцией Российской Федерации, Концепцией государственной национальной политики Российской Федерации.

Придавая огромное политическое и социальное значение решению мер, связанных с восстановлением прав народов, включая и российских корейцев, подвергшихся в 1920–1950-х гг. необоснованным репрессиям, как коммунистическая партия, так и высшие органы государственной власти отменили законодательные акты, послужившие основой для противоправного насильственного переселения отдельных этнических общностей из мест постоянного проживания. В связи с этим была принята и «Декларация прав и свобод человека и гражданина», провозгласившая «право на жизнь»⁶.

Так получилось, что исследуемая тема стала своеобразным конфликтогенным фактором, при этом не только в создающемся правовом государстве — России, но и в ставших суверенными составных частях бывшего Союза ССР.

Изучение ранее закрытой темы способствовало повышению уровня этнической мобильности народов, их самоорганизации, включая и российских корейцев. Сначала это проявилось в активизации деятельности, росте самосознания и национального сознания корейского населения, а затем в усилении роли общественных объединений (национально-культурных

⁴ *Самосознание* – культурный феномен, позволяющий сохранять постоянство собственного поведения и испытывать чувство ответственности за социальные ценности, усвоенные индивидом.

⁵ *Национальное сознание* — в целом, совокупность социальных, политических, экономических, нравственных, эстетических, философских, религиозных и других взглядов, характеризующих содержание, уровень и особенности духовного развития этнической группы.

⁶ См.: Реабилитация народов России. Сборник документов. М., 2000. С. 65–73.

автономий (НКА), национальных общественных организаций, центров национальных культур, ассоциаций, землячеств).

В России формирование гражданского многонационального общества и его институтов отмечалось уже в самом начале возникновением противоречий и конфликтов. Одно из противоречий — оставшееся наследие прошлого, а вернее, последствия той национальной политики, которая проводилась в 1920–1950-е гг. в Союзе ССР.

В то же время, не изучив ее аспекты, в частности, проблему политических репрессий, а также принудительных переселений, не восстановив исторической справедливости по отношению к народам, подвергшимся ранее депортации, вряд ли возможно формирование правового государства в полном понимании этого слова. С учетом этого было обращено внимание и на такую сложную социальную проблему. Перед наукой об обществе время поставило вопросы, связанные с историческим прошлым страны, и она должна была ответить на них. В то же время, для обеспечения мирного сосуществования разных народов в пределах единого государства представляется важным информировать общество о фактах межэтнических конфликтов и детерминантах, вызывающих нарушение гражданского согласия.

Создание условий для равных, сбалансированных отношений между властью и обществом, как в целом, так и между его составными частями, включая и сообщество корейских граждан в России, было начато в 1990-е годы.

Историографию изучаемой темы можно разделить на несколько этапов. Непосредственно в 1920–1930-е гг. появились отдельные исследования, в которых рассматривались этнополитическая обстановка в регионах проживания корейцев в Союзе ССР, их положение, формы взаимодействия с народами — соседями, участие в социалистических преобразованиях,

расселение корейцев по территории СССР, вовлечение их в общественные объединения⁷ и т. д.

В последующие годы упоминать что-либо о советских корейцах запрещалось. Поскольку они были причислены к статусу спецпереселенцев в республиках Средней Азии и Казахстане. В Казахстане и Узбекистане появлялись самостоятельные исторические исследования, посвященные в основном трудовым достижениям советских корейцев в многонациональном сообществе и их национально-культурному развитию⁸.

⁷ См.: *Виленский (Сибиряков) Вл.* В когтях японского империализма. (Борьба корейского народа за независимость). М., 1919; *Этапы освободительного движения в Корее // Народы Дальнего Востока.* Иркутск, 1921. № 5; *Военков А.* Успехи разведения риса в Приморской области. Владивосток, 1921. С. 36; *Борьба за русский Дальний Восток.* Под ред. Б. Шумяцкого. Вып. 3. Корея–Иркутск, 1922; *Борьба Кореи за независимость. // Жизнь национальностей.* 1922. № 8; *Нам Манчун.* Корейский вопрос как часть национальной проблемы на советском Дальнем Востоке // *Наш путь.* 1923. № 11; *Гоженский Ив.* Участие корейской эмиграции в революционном движении на Дальнем Востоке // *Революция на Дальнем Востоке.* Вып. 1. М.; Петроград, 1923. *Хроника по народному образованию // Вопросы просвещения на Дальнем Востоке.* Чита. Владивосток, 1923. № 2; *Полит.-просв. Работа среди коренного населения в Посыетском районе Приморской губернии // Вопросы просвещения на Дальнем Востоке.* Чита, Владивосток, 1924. № 3; *Салтыков Н.Н.* Территория и население Приморской губернии // *Экономическая жизнь Приморья.* Владивосток, 1924. № 6–7. *Дальне-Восточная область.* Владивосток, 1925; *Ким Мангём.* Советское строительство среди корейского населения. // *Советское Приморье.* Владивосток, 1926. № 1–2; *Ярмош А.М.* Движение населения ДВК на десятилетие 1926–36 гг. // *Экономическая жизнь Дальнего Востока.* Хабаровск, 1927. № 1–2; *Ильюхов Н.И., Титов М.* Партизанское движение в Приморье (1918–1920). М., 1928; *Петров А.* Корейцы и их значение в экономике Дальневосточного края // *Северная Азия.* М., 1929. № 1. *Выпасов П.* Корейцы в сельском хозяйстве Хабаровского края // *Статобозрение «Дальний Восток».* Хабаровск, 1929. № 2. С. 37–41; *Дорошенко П.* На смотре корейский колхоз имени «Тихоокеанской звезды» // *Дальневосточный колхозник.* 1930. № 7–8. *Дубовик П.* В корейском колхозе. // *Дальневосточный колхозник.* 1930. № 3; *Ким Хаи.* Поможем корейским колхозам // *Дальневосточный колхозник.* 1930. № 9(12); *Корейская артель «Красный путь» // Дальневосточный колхозник.* 1930. № 12–13(15–16); и др.

⁸ См.: *Очерки по истории освободительной борьбы корейского народа.* М., 1953; *Ким Г.Ф.* Борьба корейского народа за восстановление народного хозяйства, за мир и национальное единство. Стенограмма публичной лекции... М., 1954; *Пак М.Н.* Из истории освободительного движения корейского народа. М., 1955; *Цыпкин С.А.* Участие корейских трудящихся в борьбе против интервентов на советском Дальнем Востоке // *Вопросы истории.* 1956. № 11; *Григорьевич С.С.* Участие корейцев русского Дальнего Востока в антияпонской национально-освободительной борьбе 1906–1917 гг. // *Вопросы истории.* 1958. № 10; *Губельман М.И.* Борьба за советский Дальний Восток (1918–1922). М., 1958; *Бабичев И.* Участие китайских и корейских трудящихся в борьбе против интервентов и белогвардейцев на советском Дальнем Востоке // *Дальний Восток за 40 лет советской власти.* Комсомольск-на-Амуре. 1958; *Хан С.А.* Участие корейских трудящихся в гражданской войне на русском Дальнем Востоке (1919–1922) // *Корея. История и экономика.* М., 1958; *Бабичев И.* Коммунисты — вдохновители и организаторы участия китайских и корейских трудящихся в борьбе против интервентов и белогвардейцев на Советском Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). Автореф. дисс.... к. и. н. М., 1960; *Ким Г.Ф., Тягай Г.Д.* Советская литература по истории и экономике Кореи. М., 1960; *Народы Средней Азии и Казахстана.* М., 1963; *Героические годы борьбы и побед. Дальний Восток в огне гражданской войны.* М., 1968; *Ким П.Н.* Деятельность Коммунистической партии Узбекистана по организационно-хозяйственному укреплению корейских колхозов. (1937–1941 гг.). Автореф. дисс. ... к. и. н. Ташкент, 1970, и др.

⁸ См.: *Ким Сын Хава.* Корейские крестьяне русского Дальнего Востока в конце XIX нач. XX века. Автореф. дисс. ... к. и. н. Алма-Ата, 1959; *Он же.* Очерки по истории советских корейцев. Алма-Ата, 1965.

В 1970-х гг. появились первые монографические исследования, посвященные истории советских корейцев и затрагивающие фактически все стороны их жизни с конца XIX–начало XX в.⁹

Интересные сведения по исследуемой проблеме содержит монография М.Т. Кима¹⁰. В ней помещены биографические сведения о нескольких десятках активных участников корейского национально-освободительного движения против Японии (1919) и Гражданской войны (1919–1923) в России. К сожалению, автор книги не проследил дальнейшую судьбу многих героев того времени, да и документы носили засекреченный характер. Большинство из них были подвергнуты репрессиям. Имена многих из участников тех событий встречаются в книге-памяти «Корейцы – жертвы политических репрессий. (1934–1938)»¹¹.

Именно с депортацией связаны кардинальные изменения в жизни советских корейцев, поэтому любой вопрос из их истории прямо или косвенно увязывается с насильственным переселением в 1930-е гг. и его последствиями. С 1970-х гг. отдельные ученые уделяли внимание в первую очередь трудовой деятельности корейцев. Так, в диссертации П.Н. Кима анализировалась в основном деятельность Коммунистической партии Узбекистана по организационно-хозяйственному укреплению корейских колхозов (1937–1941)¹².

⁹ См.: Международные отношения на Дальнем Востоке. М., 1973; История Кореи. Т. П. М., 1974; Пак Б.Д. Россия и Корея. М., 1979; Джарылгасинова Р.Ш. Основные тенденции этнических процессов корейцев Средней Азии и Казахстана. М., 1980; Оврах Г.Н. Дальневосточные колхозы на завершающем этапе коллективизации сельского хозяйства (1935–1937 гг.) // Социально-экономическое развитие дальневосточной деревни: современный период. Владивосток, 1981; Гайкин В.А. Корейское население Маньчжурии в освободительной борьбе против империалистической агрессии Японии 1905–1945 гг. Автореф. дисс. ... к. и. н. М., 1982; Югай И. Развитие современных этноязычных процессов в инациональной среде: (На материалах исследов. городских корейцев УзССР). Автореф. дисс. ... к.и.н. М., 1982. С. 22; Петров А.И. Корейцы на русском Дальнем Востоке в эпоху российского капитализма, 1861 – февраль 1917 г.: Автореф. дисс.... к. и. н. Владивосток, 1988. С. 24.

¹⁰ См.: Ким М.Т. Корейские интернационалисты в борьбе за власть советов на Дальнем Востоке (1918–1922). М., 1979.

¹¹ См.: Корейцы – жертвы политических репрессий в СССР. 1934–1938 гг. Сост. Ку С.Н. Кн. 1–14. М., 2000–2009.

¹² См.: Ким П.Н. Деятельность Коммунистической партии Узбекистана по организационно-хозяйственному укреплению корейских колхозов. (1937–1941 гг.). Автореф. дисс. ... к. и. н. Ташкент, 1970.

Историография политических репрессий начинается в период «хрущевской оттепели», когда в СССР проводилась первая реабилитация жертв политических репрессий. Для этого периода характерно дозированное использование документов архивов (партийных, военных, КГБ СССР). Историки не получали пока доступа к архивным документам. В этот период было опубликовано несколько работ биографического характера, посвященных наиболее видным репрессированным военачальникам – В.К. Блюхеру, М.Н. Тухачевскому, И.Э. Якиру, И.П. Уборевичу¹³. В этих работах содержались отдельные упоминания и о репрессиях командно-начальствующего состава высшего звена. Исследование проблемы политических репрессий в Союзе ССР не получило своего развития. В первой половине 1960-х гг. появлялись главным образом исторические очерки, в которых ставилась цель реабилитировать в глазах общественности представителей военной элиты, уничтоженной в предвоенный период.

Вопрос политических репрессий в отечественной историографии 1960–1980-х гг. пока не исследовался. Можно назвать только несколько работ, в их числе «К суду истории» Р.А. Медведева, которая вышла в свет за рубежом. Автором затронуты отдельные аспекты проблемы политических репрессий в СССР¹⁴. Основу исследования составили воспоминания живых свидетелей, письма участников этих событий. Историки по-прежнему не имели доступа к архивным документам по интересующей проблеме.

Второй период изучения темы относится ко времени «перестройки», когда потребовалось дать ответы на многие вопросы, связанные с происходившими преобразованиями в обществе во второй половине 1980-х–начале 1990-х годов. Установка на гласность в период «перестройки» способствовала более глубокому и объективному изучению и этой сложной темы.

¹³ См.: Душенькин В.В. От солдата до маршала. М., 1960; Командарм Якир (воспоминания друзей и соратников). М., 1963; Блюхер В.К. Статьи и речи. М., 1963; Севастьянов В., Егоров П. Командарм первого ранга И.П. Уборевич. М., 1964; Никулин Л. Маршал Тухачевский. М., 1964 и др.

¹⁴ Медведев Р.А. К суду истории. Нью-Йорк, 1974.

В этот период был опубликован ряд документальных материалов, характеризующих в определенной мере внутривнутриполитические события 1930-х годов. В журнале «Известия ЦК КПСС» наряду с такими общеполитическими материалами как закрытое письмо ЦК ВКП(б) от 29 июля 1936 г. «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского блока», обобщенная справка «О так называемом «параллельном антисоветском центре», «О судьбе членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных XVI съездом партии» и др., были опубликованы документы, имеющие непосредственное отношение к изучению политических репрессий в Союзе ССР. В числе их можно назвать публикации 1989 г: доклад Н.С. Хрущева 25 февраля 1956 г. «О культуре личности и его последствиях»; обобщенная справка КПК при ЦК КПСС, КГБ СССР, Прокуратуры СССР и Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС «Дело о «антисоветской троцкистской военной организации» в Красной Армии» и др.

Более обстоятельное изучение проблемы началось после публикации названного доклада Н.С. Хрущева на XX съезде, в котором отмечалось о партийных чистках 1930-х годов, судьбах делегатов XVII съезда партии (1934), расширении масштабов репрессий после убийства С.М. Кирова, фальсификации секретных дел, санкционировании Сталиным 383 расстрельных списков партийно-советских, военных и хозяйственных работников, о полученном разрешении НКВД СССР от Сталина применять пытки¹⁵.

При подготовке доклада Н. Хрущев использовал отчеты карательных ведомств, в том числе справку, составленную в 1954 г. генеральным прокурором Р. Руденко, министром внутренних дел С. Кругловым и министром юстиции СССР К. Горшениным. На пяти машинописных страницах этого документа приведены сведения: с 1921 по 1954 гг. за «контрреволюционные преступления» было осуждено коллегией ОГПУ,

¹⁵ Доклад Н.С. Хрущева см.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. Секретная инструкция о разрешении пыток действовала с 29 июля 1936 г., т.е. появилась за месяц до процесса против Л.Б. Каменева, Г.Е. Зиновьева и др.

тройками НКВД ССН, Особым совещанием, Военной коллегией, судами и военными трибуналами 3 777 380 человек; из них к расстрелу приговорено 642 980; к содержанию в лагерях и тюрьмах – 2 369 220; к ссылке и высылке – 765 180. Указывалось, что из общего числа арестованных за «контрреволюцию» около 2,9 млн человек были осуждены коллегией ОГПУ, тройками НКВД СССР и Особыми совещаниями (т.е. внесудебными органами) и 877 000 – судами, военными трибуналами, Спецколлегией и Военной коллегией. Отмечалось, что только Особым совещанием с 5 ноября 1934 до 1 сентября 1953 г. было осуждено 442 531 человек, в том числе вынесен 10 101 – смертный приговор. Комитет партийного контроля при ЦК КПСС докладывал Хрущеву, что со второй половины 1953 и до февраля 1956 г. были реабилитированы и восстановлены в партии 5456 коммунистов; в 1956 – 1961 г. – 30 954¹⁶.

В конце 1980-х годов в печати появились опубликованные ранее за рубежом работы авторов: Р. Конквеста¹⁷, Ю.А. Геллера¹⁸, А. Орлова¹⁹ и др. Изучение политических репрессий в Союзе ССР в предвоенный период нашло отражение в работах отечественных исследователей: В.П. Бородин²⁰, Б.А. Викторова²¹, Д.А. Волкогонова²², О.В. Волкова²³, И.В. Дубинского²⁴, Ю.Н. Жукова²⁵, Ф.Б. Комала²⁶, В.А. Куманева²⁷, В.А. Невежина²⁸, О.Ф. Сувенирова²⁹, О.В. Хлевнюка³⁰, В.Н. Земскова³¹ и др.

¹⁶ См.: Аргументы и факты. 1990. № 5; Известия ЦК КПСС. 1989. № 11. С. 41.

¹⁷ Конквест Р. Большой террор // Нева. 1989. № 9–12.

¹⁸ Геллер Ю.А. Неверное эхо былого // Дружба народов. 1989. № 9.

¹⁹ Орлов А. Тайная история сталинских репрессий. М., 1991.

²⁰ Бородин В.П. Красная Армия перед войной // Молодая гвардия. 1989. № 9.

²¹ Викторова Б.А. Без грифа «секретно»: Записки военного прокурора. М., 1990.

²² Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия: Политический портрет И.В. Сталина. В 2-х кн. 2-е изд. М., 1990.

²³ Волков О.В. Погружение во тьму. М., 1989.

²⁴ Дубинский И.В. Особый счет. М., 1989.

²⁵ Жуков Ю.Н. Так был ли заговор Тухачевского? // Отечественная история. 1991. № 1.

²⁶ Комал Ф.Б. Военные кадры накануне войны // Военно-исторический журнал. 1990. № 2.

²⁷ Куманев В.А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М., 1991.

²⁸ Невежин В.А. Проблема репрессий в Красной Армии и второе пришествие Виктора Суворова // Отечественная история. 1991. № 1.

²⁹ Сувениров О.Ф. Всеармейская трагедия // Военно-исторический журнал. 1989. № 3; Против репрессий в Красной Армии (1937–1940 гг.) // Коммунист. 1990. № 17; Наркомат обороны и НКВД в предвоенные годы // Вопросы истории. 1991. № 6.

Исследования авторов позволили корректировать некоторые сведения о количественных характеристиках жертв репрессий. Так выяснилось, что общие показатели не учитывали заключенных во внутренних тюрьмах НКВД СССР и умерших в лагерях для политических. Не попали в статистику репрессированные крестьяне и представители народов, подвергшихся депортации. Потому к официальной (неточной) цифре 3,7 млн были добавлены 3–4 млн человек, репрессированных при коллективизации в 1930–1932 гг., и численность, пострадавших при депортации. В целом это составило более 7–8 млн человек. Только в России с 1923 по 1953 гг., по опубликованным данным, были арестованы примерно 41 млн человек³².

К фундаментальным исследованиям проблемы политических репрессий в СССР следует отнести монографию Д.А. Волконогова: «Триумф и трагедия: Политический портрет И.В. Сталина» (М., 1989). Автору удалось выявить и опубликовать значительное количество важнейших документальных материалов, хранящихся в различных архивах, в том числе и о массовых репрессиях в предвоенный период.

Труды О.В. Хлевнюка³³, А.В. Антонова-Овсеенко³⁴ имеют бесспорную ценность в исследовании процесса политических репрессий. Авторы приводят фактический материал о политических репрессиях, оценивают их последствия.

В этот период появились книги, написанные детьми бывших руководителей партии и государства – Г.М. Маленкова, Л.П. Берия, Н.С. Хрущева, пытавшихся оправдать родителей, что по-человечески можно понять³⁵. Тогда же были опубликованы беседы В.М. Молотова с Ф. Чуевым;

³⁰ Хлевнюк О.В. 1937-й год: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992.

³¹ Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1990. № 11.

³² См.: Исторический архив. 1993. № 3. С. 17; Яковлев А.Н. Горькая чаша. Ярославль, 1994. С. 65–166.

³³ Хлевнюк О.В. 1937-й год: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992.

³⁴ Антонов-Овсеенко А.В. Сталин без маски. М., 1990.

³⁵ А.Г. Маленков писал в книге об отце, что размах репрессий 1929–1933 гг. был намного больше, чем в 1937 г., но последний стал нарицательным, поскольку тогда репрессии затронули правящую элиту. По его данным, в 1952 г. в стране насчитывалось 10 млн осведомителей – платных и добровольных; см.: Маленков А.Г. О моем отце – Георгии Маленкове. М., 1992. С. 32, 55.

бывший нарком иностранных дел, отстаивавший по-прежнему свою точку зрения: «1937 год был необходим». Аналогичными соображениями руководствуются С. Грибанов и С.В. Коробенков, оправдывая вождя и учителя всех народов³⁶.

Изменение общей политической ситуации в государстве в конце 1980–начале 1990-х годов содействовали появлению возможности использования исследователями материалов о политических процессах, сведений из личных дел репрессированных граждан. В связи с этим основная масса книг о терроре, опубликованных в этот период, была посвящена отдельным его жертвам: писателям, ученым, деятелям искусства, малая часть – депортированным народам – чеченцам, ингушам, калмыкам, крымским татарам, корейцам и др.³⁷

Дискуссионным оставался вопрос о числе жертв террора. Имеются разночтения как следствие смешения предмета исследования: общие потери населения страны в 1918–1953 годы, потери от внесудебных карательных органов³⁸, численность узников ГУЛАГа³⁹ и т.д. Общие потери населения в 1930-е годы приводятся в пределах 9,8–13 млн человек⁴⁰. Для указания числа репрессированных обычно используют данные упоминавшиеся в докладной

³⁶ См.: Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф.Чуева. М., 1991; Процесс о чести Сталина: Хроника одного судебного заседания // Новое время. 1988. № 40. С. 38–39; *Грибанов С.* Заложники времени. М., 1993; *Коробенков С.В.* Дела Кремля. Прошлое в настоящем. М., 2004.

³⁷ См.: *Некрич А.* Наказанные народы. Нью-Йорк, 1978; *Артизов А.Н.* Судьбы историков школы М.Н. Покровского (середина 1930-х годов) // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 34–48; *Литвин А.Л.* Без права на мысль. Казань, 1994; *Пишеничный А.П.* Репрессии архивистов в 1930-х годах // Советские архивы. 1988. № 6. С. 44–48; *Тополянский В.* Он слишком много знал: О судьбе профессора-врача Д.Д. Плетнева // Литературная газета. 1988. 15 июня; *Заболоцкий Н.А.* История моего заключения // Минувшее. Т. 2. М., 1990; *Алексеева Л.* История инакомыслия в СССР. Новейший период. Вермонт, 1984; *Куманев В.А.* 1930-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М., 1991; *Борщаговский А.* Обвиняется кровь. М., 1994; *Костырченко Г.В.* Кампания по борьбе с космополитизмом в СССР // Вопросы истории. 1994. № 8; *Бугай Н.Ф.* Правда о депортации чеченского и ингушского народов // Вопросы истории. 1990. № 7; *Он же.* 20–40-е годы: депортация населения с территории Европейской России // Отечественная история. 1992. № 4; *Он же.* 20–50-е годы: Переселения и депортация еврейского населения СССР // Там же. 1993. № 4; *Земсков В.Н.* Принудительные миграции из Прибалтики в 1940–1950-х годах // Отечественные архивы. 1993. № 1 и др.

³⁸ См.: *Щербакова И.* НКВД – Гестапо: Брак по расчету // Московские новости. 1991. 2 июня; *Агурский М.* Идеология национал-большевизма. Женева, 1980.

³⁹ См.: Воля: Журнал узников тоталитарных систем. М., 1993. № 1; *Эбеджанс С.Г., Важнов М.Я.* Производственный феномен ГУЛАГа // Вопросы истории. 1994. № 6; *Морозов Н.А., Рогачев М.Б.* ГУЛАГ в Коми АССР (20–50-е годы) // Отечественная история. 1995. № 2; *Литвин А.Л.* Красный и белый террор в России. 1918–1922. Казань, 1995. С. 311–314; *Снегирев В.* Бой на Лобном месте // Труд. 1992. 18 июня.

⁴⁰ См.: *Араловец Н.А.* Потери населения советского общества в 1930-е годы: проблемы, источники, методы изучения в отечественной историографии // Отечественная история. 1995. № 1. С. 135–146.

записке Н. Хрущеву (1954), а также к итоговой справке «О нарушениях законности в период культа» (270 с. машинописного текста; подписана Н. Шверником, А. Шелепиным, З. Сердюком, Р. Руденко, Н. Мироновым, В. Семичастным (составлялась для Президиума ЦК в 1963 г.). Всего с 1935 по 1953 год, по данным справки, были арестованы 2 760 234 человека, из них расстреляны 748 146⁴¹.

Исследователям становится доступным и третий документ от 16 июня 1988 г. – обобщающая справка КГБ СССР. Указанное в ней число арестованных в 1930–1935 гг. – 3 778 234, из них расстрелянных значится 786 098 человек. Трудно отдать предпочтение какому-либо документу из этих источников⁴².

Особо следует отметить появление в начале 1990-х гг. исследований по теме политических репрессий. В их числе диссертационные работы О.Н. Нармина ⁴³, С.А. Мишанова ⁴⁴, публикации И. Стецовского ⁴⁵, О.В. Хлевнюка ⁴⁶, А.В. Бакунина ⁴⁷, Стефана Куртуа ⁴⁸. В работах анализируются истоки и специфика репрессий в Союзе ССР, практика их осуществления, деятельность государственных органов по реабилитации жертв политических репрессий. Однако авторами только упоминаются отдельные сведения о репрессиях этнических меньшинств. В эти же годы появились первые исследования о депортации этнических общностей СССР⁴⁹.

⁴¹ См.: Источник. 1995. № 1. С. 117–128.

⁴² См.: Литвин М. У источника. М.: Сигналь, 1997. С. 564–575.

⁴³ Нармин О.Н. Репрессии против командного, политического и начальствующего состава Красной Армии в 1937–1941 гг. (Причины, масштаб и последствия): Дисс. ... к. и. н.. М., 1993.

⁴⁴ Мишанов С.А. Строительство Красной Армии и Флота 1921–июнь 1941 гг. (Анализ западной историографии) Дисс. ... док. ист. наук. М., 1993.

⁴⁵ Стецовский Ю.И. История советских репрессий. В 2 т. М., 1997.

⁴⁶ Хлевнюк О.В. Политбюро: механизм политической власти в 1930-е годы. М., 1996.

⁴⁷ Бакунин А.В. История советского тоталитаризма. В 2 кн. Екатеринбург, 1997.

⁴⁸ Куртуа С., Верт Н., Панне Ж., Пачковский А., Бартошек К., Марголен Ж. Черная книга коммунизма. М., 1999.

⁴⁹ Чомаев К. Наказанный народ. Черкесск, 1993; Бугай Н.Ф. Казаки – представители русского народа, проблемы реабилитации // Русский народ: историческая судьба в XX веке. М., 1993; Он же. 1917–1945 годы: казачество в системе межнациональных отношений в России (СССР) // Кубанец: Донской атаманский вестник: Сборник. Нью-Йорк, 1998; Он же. Народы России: проблемы депортации и реабилитации. Сб. ст. Майкоп, 1997; История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е годы). Сб. ст. (Отв. ред. В.М. Кириллов) Нижний Тагил, 1997; Репрессии против поляков и польских граждан. /Редкол.:

Историками особое внимание акцентировалось на изменениях, произошедших в партии⁵⁰. Г.А. Трукан ввел в научный оборот материалы об уходе с авансцены политической деятельности представителей старой партийной гвардии, о смене ее, как утверждает автор, малообразованными, отчаянными, жестокими политиками, представителей низов народа, отличавшихся от представителей «ленинской гвардии» большей нетерпимостью. Они, как замечает Г.А. Трукан, составили «опору крайнего авторитаризма».

Прямо противоположной направленности исследования Ю.Н. Жукова, опубликовавшего несколько научных исследований о роли И.В. Сталина в жизни Союза ССР⁵¹. Так, в своей работе «Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг.» автор уделяет внимание борьбе, которую вел И.В. Сталин с партократией. Жесткие меры, принимаемые им, были направлены на борьбу с оппозицией и местными бюрократическими структурами, не выполнявшими указания Центра. В связи с этим Ю.Н. Жуков объясняет и следование Сталина положениям новой Конституции СССР (1936), на основе которой, по его мнению, преследовалась цель:

Во-первых, отделить в советских органах исполнительную власть от законодательной, а их отделить от судебной, которая напрямую подчинялась наркому юстиции;

Во-вторых, отделить от этих властных структур партию и вообще запретить ей вмешиваться в работу советских органов, оставив за партией только два дела: агитацию, пропаганду и участие в подборе кадров.

А.Б. Рогинский. Вып. 1. М., 1997; *Хунагов А.С.* Депортация народов с территории Краснодарского края и Ставрополья (20–50-е годы). Майкоп, 1998 и др.

⁵⁰ *Бутенко А.П.* О социально-классовой природе сталинизма // Вопросы философии. 1989. № 9. С. 65–78; *Трукан Г.А.* Путь к тоталитаризму. 1917–1929 гг. М., 1994; *Меньковский В.И.* Власть и советское общество в 1930-е годы: англо-американская историография проблемы. Минск: БГУ, 2001; *Историография сталинизма. Сборник статей / Ред. Н.А. Симония.* М., 2007; *Литвин А.* Российская историография «большого террора». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.infran.ru/vovenko/60years_ww2/index.htm : 03.06.2009, и др.

⁵¹ *Жуков Ю.Н.* Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М., 2005; *Он же.* Сталин: операция «Эрмитаж». М., 2005; *Он же.* Сталин: тайны власти. М., 2005; *Он же.* Народная империя Сталина (Загадка 37 года). М., 2009 и др.

Ю.Н. Жуков делает вывод, что реформа, которую задумал Сталин, была призвана консолидировать наше общество ввиду почти неминуемого столкновения с фашистской Германией⁵².

Как полагает Ю.Н. Жуков, рассматривая период деятельности Сталина в 1930-е годы, «постоянно меняя тактику, в главном – в стратегии – Сталин оставался последовательным. Не считаясь ни с чем, он и в дальнейшем намеревался продолжать столь же форсированную индустриализацию, которая, по его убеждению, только и могла обезопасить страну, советскую власть. Он не ошибся, ибо именно такое решение оказалось не просто единственно верным, но и своевременным. В начале 1930-х годов политическая ситуация в мире резко ухудшилась, породив отнюдь не надуманную, как прежде, а вполне реальную угрозу войны. Для СССР же — на два фронта»⁵³. Однако в этой политике находит место и проявление жестких репрессивных мер по отношению к этническим общностям Союза ССР, включая и корейцев Дальнего Востока. Политика выстраивалась главным образом во имя укрепления социализма.

В продолжение дискуссии ученых-историков о трагической эпохе сталинского тоталитаризма в 2006 г. выходят публикации о ГУЛАГе, отличающиеся не только по содержанию, но и по оценкам и выводам исследователей – этой монографии Г.М. Ивановой⁵⁴, Энн Эпплбаум⁵⁵ и публикация М.Ю. Морукова⁵⁶.

Г.М. Иванова анализирует социально-экономический и политико-правовой феномен советского государства и дает оценку теоретическим и правовым основам мер, связанных с репрессиями, исследует причины и нормативно-правовую базу создания и деятельности ГУЛАГа как карательной системы нового типа. Всего за годы существования ГУЛАГа, по

⁵² *Сабов А.* Жупел Сталина. (Из интервью Ю.Н. Жукова) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://malchish.org/lib/Stalin/Jupe1.htm>: 05.06.2009.

⁵³ *Жуков Ю.Н.* Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М., 2005. С. 31.

⁵⁴ *Иванова Г.М.* История ГУЛАГа. 1918–1958. М., 2006.

⁵⁵ *Эпплбаум Э.* ГУЛАГ. Паутина Большого террора. М., 2006.

⁵⁶ *Моруков М.Ю.* Правда ГУЛАГа из круга первого. М., 2006.

данным Г.М. Ивановой, через лагеря, колонии и тюрьмы прошло более 20 млн человек, из них каждый пятый был осужден к лишению свободы за так называемые «контрреволюционные преступления». Автор совершенно справедливо отмечает, что принудительный труд использовался на строительстве практически всех крупнейших сооружений сталинской эпохи, придерживаясь мнения, согласно которому экономика носила хищнический, расточительный характер⁵⁷.

Совершенно иного мнения придерживается автор работы «Правда ГУЛАГа из круга первого» – М.Ю. Моруков. Автор глубоко убежден, что в период с лета 1929 по весну 1945 г. в исправительно-трудовых учреждениях на всей территории СССР была создана огромная высокоэффективная хозяйственная система, не имевшая аналогов в мире. Попытки автора убедить читателя, что научно-исследовательская деятельность различного рода «шарашек» стала основой для прорыва советской науки и индустрии к новейшим высокотехнологичным разработкам и открытиям, и в первую очередь в оборонной промышленности, на наш взгляд, не убедительны.

Трудно согласиться и с другим выводом автора, в частности, о том, что победоносный исход Великой Отечественной войны фактически подтвердил жизнеспособность и высокую эффективность избранной в СССР модели развития. Правда ГУЛАГа, по мнению М.Ю. Морукова, заключается в том, что изоляция ученых, разработчиков и рабочих-мастеров в местах лишения свободы для работы на оборону стала необходимым и единственно правильным условием для их личного выживания и общей Победы. Автор пренебрегает человеческим фактором, считая его материалом и средством для достижения цели, что противоречит общечеловеческим принципам гуманизма и человечности.

В книге Энн Эпплбаум также анализируется сущность ГУЛАГа не только как инструмента наказания за уголовные преступления, но и массового террора в отношении подлинных и мнимых противников режима,

⁵⁷ См.: *Иванова Г.М.* История ГУЛАГа. 1918–1958. М., 2006. С. 424.

одновременно и существенного фактора экономического роста СССР. По данным Э. Эпплбаум, в 1929–1959 гг. через тысячи лагерей прошли 18 млн заключенных.

Изучение публикаций, посвященных ГУЛАГу, свидетельствует о наличии разноплановых подходов и оценок исследователей этого сложного и трагического периода в истории Союза ССР.

В числе негативных факторов значатся политические репрессии 1930–1940-х годов, применявшиеся как в отношении народов Союза ССР, в первую очередь принудительное их переселение, так и в отношении отдельных граждан.

Некоторые современные политологи и обществоведы связывают начало разработки проблемы политических репрессий и принудительных переселений, имевших место в жизни СССР с 1920-х годов, с появлением Концепции государственной национальной политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации (1996). На наш взгляд, такой подход не совсем соответствует истинному положению дел и хронологии развития самих событий, связанных с репрессиями народов и граждан.

Возможно, в Концепции удалось только обобщить, и то, весьма приближенно, имевшиеся незначительные наработки в политических трактовках этой сложной проблемы общества, возникшей в прошлом, и так заметно обострившейся в условиях демократизации современной России.

Было бы целесообразным рассмотреть в теоретическом плане имеющиеся нормативно-правовые государственные акты, появившиеся задолго до опубликования Концепции государственной национальной политики Российской Федерации. Именно в них излагались и отдельные теоретические посылки, подходы к теме и изучение их стало возможным благодаря появившимся в печати научным работкам ученых обществоведов.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю.В. Андропов, выступая по случаю 60-летия образования Союза ССР, назвал в числе перечисленных им народов, подвергшихся репрессиям, и корейцев. В связи с этим, он отмечал: «Полноправными советскими гражданами являются и миллионы немцев, поляков, корейцев, курдов, представителей других национальностей, для которых Советский Союз стал родиной»⁵⁸. Такую идеологическую посылку можно было бы расценивать, как официальное объявление возможности изучать проблему в более широком научном плане. Однако и в этом случае потребовалось еще некоторое время.

Развитие событий в России конца 1980-х годов способствовало появлению Декларации Верховного Совета Союза ССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав». В документе констатировалось: «Сталин и его окружение присвоили практически неограниченную власть, лишив советский народ свобод, которые в демократическом обществе считаются естественными и неотъемлемыми»⁵⁹.

Период революционного обновления общества, его демократизации потребовал «очищения всех сторон нашей жизни от деформации и искажений общечеловеческих принципов гуманизма»⁶⁰. Все это было необходимо для того, чтобы удовлетворить запрос общества, желающего «знать всю правду о прошлом, чтобы усвоить его уроки во имя будущего»⁶¹.

Меры, связанные с переселением народов, фактически признавались декларацией «как политика насильственного переселения», которая «отразилась на судьбе корейцев, греков, курдов и других народов». В теоретическом плане эти меры оценивались как «тяжелейшее преступление, противоречащее основам международного права, гуманистической природе

⁵⁸ Андропов Ю.В. Шестьдесят лет СССР. М., 1982. С. 9.

⁵⁹ Ведомости Верховного Совета Союза ССР. 1990. № 34.

⁶⁰ Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1989. № 3. С. 449; Реабилитация народов России. Сборник документов. М., 2000. С. 42.

⁶¹ Там же. С. 42.

социалистического строя». Именно в этом ключе они рассматривались и в последующих государственных документах.

Новым этапом в решении изучаемой проблемы на государственном уровне стало принятие Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г. № 1107-1, Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. № 1761-1 (26 июня 1992 г. № 3130-1), а также постановления Верховного Совета РСФСР «О реабилитации российских корейцев» от 1 апреля 1993 г. Принятые законы позволили на юридической основе рассматривать политические репрессии, в том числе и применявшиеся к корейскому меньшинству в Союзе ССР, как самостоятельную составляющую реабилитационного процесса 1990-х годов в государстве.

Согласно общепринятой в историко-правовой науке классификации «жертв политических репрессий»⁶², представители корейской общности на равных правах со всеми остальными этническими общностями Союза ССР, претерпевшими репрессии, входят во все перечисленные ниже категории.

Первая категория – граждане, подвергшиеся репрессиям по политическим обвинениям, арестованные органами безопасности (ВЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ – КГБ) и приговоренные судебными или квазисудебными (ОСО, «тройки», «двойки» и т.п.) инстанциями к смертной казни, разным срокам заключения в лагерях, тюрьмах, к ссылке.

Вторая категория – граждане, репрессированные по политическим мотивам – крестьяне, административно высланные с мест жительства в ходе проводимой кампании «уничтожения кулачества как класса».

Третья категория – жертвы политических репрессий – народы, полностью депортированные с мест традиционного расселения в Сибирь, Среднюю Азию и Казахстан, восточные регионы Союза ССР.

В новых документах были определены направления, формы и механизм реабилитации российских корейцев. Постановлением

⁶² Там же. С. 95.

устанавливалось, что реабилитация распространяется на “подвергшихся незаконным репрессиям, а также родившихся в семьях, находившихся на режиме спецпоселения”⁶³. В документе конкретно раскрывается сущность самой реабилитации.

Проблема реабилитации этнических общностей, включая и корейскую, документально отражена и в изданном Министерством по делам федерации и национальностей Российской Федерации в 2000 г. сборнике документов «Реабилитация народов России». Систематизированы законодательные акты начала реабилитации народов, показан документально процесс подготовки нормативных актов, первых правительственных комиссий, призванных к разработке юридической основы, опубликованы документы, содержащие механизм осуществления реабилитации, раскрывается роль местных органов власти в проведении мер по реабилитации народов. Все это, несомненно, позволяет более глубоко проследить, каким образом решалась столь сложная проблема в Российской Федерации.

В связи с разрабатываемыми мерами по реабилитации, в 1990-е годы появилось множество вопросов, связанных с формами и методами осуществления государственной национальной политики в 1920–1950-е годы. Некоторые ученые-исследователи пытались дискутировать по такому вопросу: были ли советские корейцы «спецпереселенцами» или же административно-высланными (определение категорий, применявшихся в официальных документах НКВД – НКГБ Союза ССР). По одному только факту принудительного действия со стороны властей можно считать корейцев спецпереселенцами.

В связи с реабилитацией корейцев появилась необходимость не только в выяснении причины, почему органы государственной власти применяли репрессивные меры к этой части населения, но и анализа национального, образовательного, возрастного состава корейцев – спецконтингента,

⁶³ Реабилитация народов России... С. 98.

подвергшегося политическим репрессиям в 1920–1930-е годы, а также принудительному переселению с территории Дальнего Востока.

После распада Союза ССР появились первые монографические исследования, посвященные конкретно истории российских (советских) корейцев и корейцев государств СНГ, затрагивающие фактически все стороны их жизни в 1920–1980-е годы.

Многолетние научные поиски и исследования Б.Д. Пака увенчались двумя капитальными трудами. В 1993 г. была издана первая книга «Корейцы в Российской империи. Дальневосточный период»⁶⁴, в которой выявлены причины переселения корейцев на русский Дальний Восток, их социально-экономическое и правовое положение, участие корейской эмиграции в революционном движении против царизма, в антияпонской борьбе за независимость Кореи.

В монографии «Корейцы в Советской России (1917 – конец 1930 гг.)»⁶⁵. Б.Д. Пак анализирует экономическое, политическое и правовое положение корейского населения в России со времени установления советской власти в 1917 г. до насильственной депортации корейцев из Дальневосточного края в Казахстан и республики Средней Азии. Однако вопросы репрессивных мер, применявшихся с самого начала установления советской власти, неразрывно связанные с государственной политикой Союза ССР, обходились стороной.

Центральное место в монографии занимает показ процессов, происходивших в ходе советизации края, проведения землеустроительных работ. Особое внимание уделено периоду так называемого «развернутого строительства социализма» в конце 1920-х – первой половине 1930-х годов.

Красной нитью проводится мысль, что «корейское население доказало свою ненависть к японским поработителям, лояльность к России и исключительное трудолюбие»⁶⁶. Однако автором не рассматривалась сущность переселенческой политики Союза ССР, в ходе которой

⁶⁴ Пак Б.Д. Корейцы в Российской империи. Дальневосточный период. М., 1993.

⁶⁵ Пак Б.Д. Корейцы в Советской России (1917 – конец 1930 г.). М.–Иркутск. Дипакадемия МИДа РФ, 1995.

⁶⁶ Там же. С. 209.

переселялись все народы страны и в первую очередь жители с приграничных территорий, причисленные к статусу «неблагонадежный элемент».

Общая картина насильственной депортации корейского населения с Дальнего Востока была изложена на основе документов, опубликованных впервые в 1992 г. в сборнике «Белая книга о депортации корейского населения России в 30–40-х гг.». По мнению авторов, репрессии явились подготовительной акцией перед депортацией корейского меньшинства. Корейцы подвергались репрессивным воздействиям задолго до депортации и особенно после нее, в 1938 году⁶⁷.

Следовало бы выделить работу Г.Б. Хана⁶⁸, в которой на богатом фактическом материале раскрываются роль и место российских корейцев в системе межэтнических отношений в Союзе ССР (России), в частности, в Казахстане. Автором обращено внимание на изменения, которые произошли в жизни корейской общности, на их связи с народами, проживавшими в Казахстане, а также в различных регионах Российской Федерации.

Частично проблемы российских корейцев касается в своих многочисленных работах и М.Н. Пак. Правда, эта проблема не являлась конкретно предметом его научных исследований. В его работах дано объяснение необходимости коренных изменений в вопросах формирования самосознания и национального сознания российских корейцев, вовлечения их в процесс натурализации⁶⁹.

Значительный вклад в изучение проблемы внес востоковед В.Ф. Ли, труды которого известны не только в России, но и за рубежом⁷⁰. В своих

⁶⁷ См.: Корейцы – жертвы политических репрессий в СССР. 1934–1938. Кн. 1–14. М., 2000–2009.

⁶⁸ См.: Хан Г.Б. Прошлое и настоящее корейцев Казахстана. Историко-документальное повествование о жизни корейской диаспоры (1937–1997). Алматы, 1997. Многие вопросы затрагивались в это же время Р.Ш. Джарылгасиновой. См. Корейцы // Вера и жизнь. М., 1997. № 9–10, Г.А. Югаем в книге Советские корейцы: социально-психологический портрет своего поколения. Ташкент, 1990 и др.

⁶⁹ Пак М.Н. Об исторических судьбах советских корейцев // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 5. С. 187.

⁷⁰ Ли В.Ф. Социальная революция и власть в странах Востока. М., 1984; Он же. Интернационалисты Востока в борьбе за власть Советов // Азия и Африка сегодня. 1988. № 3 и 4; Он же. Два письма в Народный Комиссариат национальностей России // Коре Ильбо. Алма-Ата, 16 и 23.03.1991; Он же. Источники и проблемы изучения корейского этнического меньшинства в Советском Союзе // Источниковедение и историография стран Востока. Вып. 3: Россия и АСЕАН (судьба России и будущее Азиатско-Тихоокеанского региона). М., 1995; Он же. О бессрочном нейтралитете Корейского полуострова в свете мирового опыта XX века // Корусфорум. М., 2000. № 9. С. 57–69; Он же. Культурно-национальная

трудах В.Ф. Ли рассматривает процессы становления и совершенствования российско-корейских отношений на всех этапах истории, а также обращается к специальной теме, связанной с принудительными переселениями корейцев в Союзе ССР.

Этому вопросу посвящен раздел в новой монографии В.Ф. Ли «Россия и Корея в геополитике Евразийского Востока»⁷¹. Автор последовательно излагает события второй половины 1930-х годов на Дальнем Востоке СССР, вскрывает предпосылки принудительного переселения более 170 тыс. граждан корейской национальности.

В.Ф. Ли так оценивает деятельность Коммунистической партии и Правительства СССР: «Объективная экспертиза не оставляет сомнения в том, что оно (постановление о переселении граждан корейской национальности. – Ж.С.) противоречит по всем своим параметрам не только общепризнанным международным актам о правах человека, но даже пресловутой сталинской Конституции 1936 г. и, как таковое, представляет одну из наиболее изощренных форм геноцида⁷², направленного против национальных меньшинств» (с. 421). В.Ф. Ли подчеркивает, что такая политика правительства в 1930-е годы нанесла ущерб развитию корейской общности, способствовала её отставанию по сравнению с другими народами, которые не подверглись репрессиям.

Авторы, издававшие свои труды в 1990-е годы, обращались и к такой проблеме как реабилитация репрессированных этнических общностей. Но применительно к российским корейцам она подробно не исследовалась, хотя многие стороны этой проблемы становились известными. В этом плане свой

автономия и возрождение корейской диаспоры в России: Доклад на Междунар. семинаре в Ун-те иностр. яз. (Хан Гук), февраль 2000 г. // Диаспоры национальных меньшинств в Китае и России. Сеул, 2000.

⁷¹ Ли В.Ф. Россия и Корея в геополитике Евразийского Востока. М., 2000.

⁷² Под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу: (а) Убийство членов такой группы; (б) Причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы; (с) Предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые предполагают ее полное или частичное физическое уничтожение; (д) Применение мер, рассчитанных на предотвращение деторождения внутри такой группы; (е) Насильственная передача детей из одной группы в другую.

вклад в изучение этого аспекта внесли, как историки, так и правоведаы, политологи, практики сферы межнациональных отношений⁷³.

Большой вклад, начиная со второй половины 1980-х годов, в исследование истории депортаций и реабилитации народов Союза ССР, в том числе советских корейцев, периода функционирования административно-командной системы управления обществом внес Н.Ф. Бугай, продолжающий в настоящее время свои научные изыскания. Ряд его монографий и статей посвящены истории депортации советских (российских) корейцев⁷⁴.

В 1995 г. был опубликован труд Н.Ф. Бугая «Л. Берия – И. Сталину: Согласно Вашему указанию...», подготовленный на основе новых документов и материалов, выявленных в архивах НКВД – НКГБ СССР, МВД – МГБ СССР. В ней впервые обстоятельно были освещены события 1930 – 1940-х гг., связанные с депортациями народов, в числе которых: поляки, корейцы, иранцы, немцы, финны, ингуши, чеченцы, карачаевцы, балкарцы,

⁷³ См.: Лазарев В. Правовые вопросы реабилитации репрессированных народов // Государство и право. М., 1994. № 12; Цой Б.С. Социально-экономические аспекты народов и граждан, репрессированных в СССР по политическим мотивам // Государство и право. 1994. № 12; Жамсуев Б.Б. О реабилитации репрессированных народов // Думский вестник. М., 1995. № 3 (18); Коцюнис А.Н. Правовая база реабилитации депортированных народов // Информационный бюллетень Миннаца России «Федерация и народы России». № 1 (11). М., 1997; Он же: Реабилитация и законность // Человек и право. М., 1997. № 2; Бугай Н.Ф. Реабилитация народов – одно из направлений национальной политики по укреплению федеративных отношений // Российский федерализм: опыт становления и стратегия перспектив. М., 1998 и др.

⁷⁴ Бугай Н.Ф. О высылении корейцев из Дальневосточного края // Отечественная история. М., 1992. № 6; Бугай Н.Ф., Вада Харуки. Из истории депортации «русских корейцев» // Дружба народов. М., 1992. № 7; Он же. Тайное становится явным («Корейский вопрос» на Дальнем Востоке и депортация 1937 года) // Проблемы Дальнего Востока. 1992. № 4; Он же. Корейцы в СССР: из истории вопроса о национальной государственности. // Восток. 1993. № 2; Он же. Насильственное переселение корейцев // Синие горы (Сейко). Токио, 1993. № 5. (на япон. яз.); Он же. Депортация корейцев в СССР: как это было // Iinbungakkai Kijo. Sapporo, 1994. № 52(12) и № 55 (7) (на япон. яз.); Он же. Трагические события не должны повториться (к вопросу о положении корейцев в СССР в 30-е годы) // Актуальные проблемы российского востоковедения. М., 1994; Он же. Выселение корейцев с Дальнего Востока. // Вопросы истории. 1994. № 5; Он же. Переселить все корейское население... И. Сталин. Сеул, 1996. (на кор. яз.); Он же. Социальная натурализация и этническая мобилизация (Опыт корейцев России). М., 1998; Реабилитация народов России / Мин-во по делам федерации и национальностей РФ. М., 2000; Он же. Российские корейцы: новый поворот истории. (90-е годы). М., 2000; Он же. Российские корейцы и политика «солнечного тепла». М., 2002; Б.Д. Пак, Н.Ф. Бугай. 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. М., 2004; Бугай Н.Ф. Корейское этническое меньшинство в Союзе ССР (России): проблемы репрессий. 1930–1940-е годы. (120-летие сеульской конвенции и 140-летие добровольного переселения корейцев в Россию) / Информационный бюллетень. Спец.выпуск. М., 2004. № 6; Он же. Проблемы реабилитации этносов Союза ССР в Российской историографии / История и историки. М., 2004; Бугай Н.Ф., О Сон Хван. Испытание временем. М., 2004; Бугай Н.Ф. «Третья Корея»: новая миссия и проблемы глобализации... М., 2005; Он же. Корейцы стран СНГ: общественно-географический «синтез» (начало XXI века). М., 2007; Сабанчиев Х.–М.А. Депортации, жизнь в ссылке и реабилитация балкарского народа (1940-е–нач. XXI в.). Нальчик, 2007; Мамаев М.И. Национальные меньшинства Северного Кавказа: социальное положение, трансформация. М., 2008; Бугай Н.Ф., Мамаев М.И. Турки-месхетинцы: Грузия, Узбекистан, Россия, США. М., 2009; Бугай Н.Ф. Корейцы России: вопросы экономики и культуры. М., 2009 и др.

калмыки, крымские татары, греки, болгары, армяне, турки-месхетинцы, курды, хемшины, народы Украины и Белоруссии, Молдавии и государств Балтии. Показана роль Сталина, его верного пособника – наркома внутренних дел СССР Л. Берия, а также тех, кто осуществлял операции по депортации народов на практике.

В эти же годы была издана книга Н.Ф. Бугая на корейском языке под названием «Переселить все корейское население... В. Молотов. И. Сталин» (Сеул, 1996). В Республике Корея впервые появилась возможность узнать о проводившейся депортации народов в Союзе ССР. В обстоятельной форме в этой работе были изложены события, связанные с принудительным переселением корейцев в Советском Союзе в конце 1930-х – 1940-е годы. Особое внимание автором уделялось выяснению причин этой антигуманной акции со стороны Правительства СССР по отношению к гражданам корейской общности.

Н.Ф. Бугай сообщает и о неизвестном ранее историческом факте – переселении корейцев в Астраханский округ Сталинградской области⁷⁵. Три раздела книги посвящены конкретным вопросам принудительных переселений российских корейцев. В монографии обобщены материалы предыдущих исследований автора, показаны роль и место этнического меньшинства в системе межэтнических отношений, во взаимодействии с другими народами, обращено внимание на теоретический аспект проблемы, суть мер, связанных с депортациями корейцев частично в 1920-е и в конце 1930-х годов.

Вызывает особый интерес и проведенный автором анализ развития корейского общественного движения на территории Советского Союза. Эта тема получила дальнейшее исследование в коллективной монографии Н.Ф. Бугая и Сим Хонёнга (Республика Корея)⁷⁶. Совместный труд посвящен конкретно проблеме общественных объединений корейцев в Союзе ССР –

⁷⁵ Бугай Н.Ф. Социальная натурализация и этническая мобилизация (Опыт корейцев России). М., 1998.

⁷⁶ Бугай Н.Ф., Сим Хонёнг. Общественные объединения корейцев России. Конститутивность, эволюция, признание. Москва-Сеул, 2004.

России. Книга многоплановая, в ней затрагивается и международный аспект проблемы. Раскрываются формы и методы работы общественных объединений, выявлены многие ранее неизвестные лидеры из корейцев, проявившие себя на разных этапах деятельности общественных объединений советских корейцев. Показан процесс возрождения корейских общественных организаций в 1990-е годы и их деятельность.

В начале 1990-х годов появились статьи других исследователей, в которых в той или иной мере затрагивается проблема российских корейцев. Следует отметить публикации В.Н. Земскова⁷⁷, в которых наряду с общей характеристикой периода даны и отдельные сведения количественных характеристик жизни корейцев, проживавших на Дальнем Востоке Союза ССР, об их переселении, обустройстве на новом месте.

В этот же период была опубликована содержательная брошюра С.Г. Нам «Корейский национальный район» (М.,1991). Автор впервые рассматривает вопрос о существовании национального корейского района в административном государственном устройстве в 1920 – 1930-е годы. На богатом фактическом материале анализируется процесс создания и существования административного национального корейского района, где корейское население составляло, по данным автора, 92 %.

Вторая работа С.Г. Нам «Российские корейцы: история и культура» посвящена жизни корейцев на территории Дальневосточного края. Автор описывает изменения, происходящие в культурной жизни ее соотечественников⁷⁸. Собран богатый материал о школьном образовании, прессе, корейских традициях и обычаях.

В эти же годы появляются и первые диссертационные исследования, связанные с историей российских корейцев. В Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова в 1992 г. А.П. Митин защитил

⁷⁷ Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1990. № 11; *Он же*. Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954 гг.) // Отечественная история. 1994. № 1; *Он же*. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2003 и др.

⁷⁸ См.: Нам С.Г. Российские корейцы: история и культура. М., 1998.

диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Детерминанты поведения этнодисперсных групп»⁷⁹. Автор раскрывает процесс формирования самосознания и национального сознания российских корейцев, отмечает о причинах, влияющих на эти процессы, о развитии взаимоотношений дисперсных групп, касается других аспектов темы.

В этот же период научную работу проводил и исследователь из Республики Корея Сим Хонёнг. Им опубликован ряд статей⁸⁰, в которых рассматривается проблема этнических меньшинств, в том числе и корейского, а также дается оценка их роли и места в национально-государственном строительстве в Службе ССР.

Свой вклад в изучение проблемы российских корейцев внес П.М. Полян. В своей диссертации на тему: «География принудительных миграций в СССР» автор представил обобщенную информацию касательно географии расселения народов, включая и советских корейцев, подвергшихся принудительному переселению. Автором затрагивался и международный аспект темы, а также частично использование труда переселенцев.

В 2000 г. по исследуемой теме была защищена диссертация С.А. Головиным по теме: «История политических репрессий на Дальнем Востоке России. 1920 – 1930-е годы»⁸¹. В работе исследован механизм политических репрессий по отношению к амурским казакам, дана оценка политике раскулачивания. Отдельный раздел посвящен депортации

⁷⁹ На юге России в Кубанском государственном университете были защищены диссертации Е.Н. Фаттаховой и Ю.Н. Поповой. См. также: *Фаттахова Е.Н.* Характерные черты и изменения в образах жизненного цикла у корейцев юга России // Тезисы Всерос. науч.-практ. конф. Майкоп, 2001; *Попова Ю.Н.* Из истории корейских национально-культурных организаций в России в 90-е годы XX века // Голос минувшего: Кубанский ист. журнал. Краснодар, 2000. № 3–4. С. 55.

⁸⁰ *Сим Хонёнг.* Динамика демографических изменений расселения корейцев на Дальнем Востоке (вторая половина XIX–XX век) // Мирное сотрудничество в Северо-Восточной Азии и проблемы объединения на Корейском полуострове. М., 1995; *Он же:* Корейский этнос в системе межнациональных отношений на евразийском континенте: проблемы депортации в 30-е–40-е годы // Россия и Восток: проблемы взаимоотношений и политика движений. Челябинск, 1995; *Он же.* Историография проблемы депортации “русских” корейцев в 30–40-е годы // Народы России: проблемы депортации и реабилитации. Майкоп, 1997. С. 168–187; *Он же:* Историография проблемы депортации российских корейцев в 30-е–40-е годы в Союзе ССР // Вера и жизнь. М., 1997. № 9–10 и др.

⁸¹ См.: *Головин С.А.* История политических репрессий на Дальнем Востоке России. 1920–1930-е годы. Диссерт. ... к. и. н. Благовещенск, 2000.

национальных меньшинств с территории советского Дальнего Востока, в том числе советских корейцев.

Привлекают внимание публикации Общероссийского объединения корейцев серии «Российские корейцы», посвященные патриотам и борцам за освобождение Кореи от японских угнетателей, в частности, Ли Бомджина (1852–1911)⁸² корейского политика и дипломата, Ким Мангёма (И.С. Серебряков) (1886–1938)⁸³ – известного корейского общественного деятеля в Приморье, о корейском патриоте, революционере и интернационалисте Хан Мёнсе (1885–1937)⁸⁴. Это были первые исследования в историографии российских корейцев, посвященные личностям, ставшими жертвами политического террора в Союзе ССР, которые были реабилитированы посмертно.

Долгое время под запретом оставалась тема, посвященная сахалинским корейцам, вывезенных принудительно из Кореи японскими колониальными властями, в том числе путём обмана в 1939–1944 гг., оставшихся после войны на территории южной части острова. Изучению истории и современному положению сахалинских корейцев, посвящен труд профессора Бок Зикоу. Автор дает характеристику мобилизации корейцев и трудовой иммиграции на принадлежавшую японцам часть острова Сахалин⁸⁵.

Спустя некоторое время проблема сахалинских корейцев была центре внимания А.Т. Кузина⁸⁶, выполненная на богатой источниковой базе, сопровождается глубокими выводами автора по разным сторонам жизни сахалинских корейцев. Детально исследована эволюция гражданско-правового положения сахалинских корейцев – бывших японских подданных.

Многие сюжеты истории советских корейцев Дальневосточного региона в рассматриваемый период содержатся и в появившихся

⁸² См.: *Ли Бомджин*. / Сост. Пак Б.Д. М., 2002.

⁸³ См.: *Ким Мангём (И.С. Серебряков)*. / Сост. Пак Б.Д. М., 2001.

⁸⁴ См.: *Хан Мёнсе (Хан Андрей Абрамович)*. / Сост. Пак Б.Д. М., 2005.

⁸⁵ См.: *Бок Зи Коу*. Сахалинские корейцы: проблемы и перспективы. Южно-Сахалинск, 1989.

⁸⁶ См.: *Кузин А.Т.* История корейского населения российского Сахалина (конец XIX–начало XXI вв.). Автореф. ... д.и.н. Владивосток, 2011.

публикациях Е.Н. Чернолуцкой, которые касаются главным образом вопросов миграции и существенно дополняют историю корейской общности на Дальнем Востоке⁸⁷.

После распада Союза ССР появилась возможность рассмотреть и вопрос об историографии корейцев Казахстана⁸⁸, Узбекистана.

В 1995 г. вышла книга «История корейцев Казахстана» Г.В. Кана⁸⁹. Труд выполнен на строго документальной основе, охватывает все этапы жизнедеятельности корейцев в Казахстане, показана корейская община в трудный период функционирования тоталитарного режима в республике. Обращено внимание на период добровольного переселения корейцев-рисоводов с территории Дальнего Востока в Казахстан (1928).

Корейцы, переселенные принудительным образом в Казахстан, пережили два этапа переселения. Первый, с осени 1937 до весны 1938 г., и второй – весной 1938 г., который происходил уже внутри самой республики. Автор затрагивает вопросы возрождения культуры, жизни корейской общины в современных условиях.

Книга Г.Н. Кима и Д.В. Мена «История и культура корейцев Казахстана»⁹⁰, выполнена на основе архивных материалов. С позиций системного научного подхода исследуется история корейцев Казахстана, рассмотрены вопросы о депортации корейцев с Дальнего Востока, хозяйственном обустройстве переселенцев, демографических процессах, трудовой деятельности, частично показано развитие духовной культуры корейцев.

К шестидесятилетию проживания корейцев в Казахстане авторским коллективом (Г.В. Кан, В.С. Ан, Г.Н. Ким и Д.В. Мен) была подготовлена на корейском, русском и английском языках книга «Корейцы Казахстана:

⁸⁷ Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на Советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Автореф. ... д.и.н. Владивосток, 2012.

⁸⁸ См.: Тэн В.С. Начальные страницы истории кустанайских корейцев. Кустанай, 1994; Ковжасарова Ж.У. Корейцы в Прикаспии. Алматы, 1997.

⁸⁹ Кан Г.В. История корейцев Казахстана. Алматы, 1995. 207 с.

⁹⁰ Ким Г.Н., Мен Д.В. История и культура корейцев Казахстана. Алматы, 1995. 346 с.

Иллюстрированная история»⁹¹. Уникальные фотографии дают полное представление о жизни корейцев в Казахстане.

В 1999 г. в Казахстане появилась работа Г.Н. Кима «История иммиграции корейцев»⁹², первый обобщающий научный труд, посвященный истории иммиграции корейцев в мировом масштабе.

В это же время была издана работа В.Д. Кима «Туманган – пограничная река», посвященная истории борьбы корейских партизан против японских захватчиков (1904–1922 гг.) и «Эшелон 58», содержащая очерк «Реабилитирован посмертно», посвященный видному деятелю установления советской власти на Дальнем Востоке, делегату XVII съезда ВКП (б) А.А. Киму, а также документальная повесть автора «Навечно в памяти народной» о Герое Советского Союза Александре Мине.

Знаменательным событием для российского читателя явилась публикация книги Ли Гибэка «История Кореи: новая трактовка»⁹³, переведенная с корейского языка. Книга вышла в свет в годовщину десятилетия установления дипломатических отношений между Россией и Республикой Корея. В отличие от других научных работ по истории Кореи, здесь автор стремится сломать те националистические барьеры, которые препятствуют объективному изложению корейской истории. В разделе о национально-освободительной борьбе корейского народа Ли Гибэком достаточно скудно изложена антияпонская борьба на территории советского Дальнего Востока⁹⁴. По всей видимости, отсутствие архивных материалов и публикаций на корейском языке не позволило автору рассмотреть более детально этот аспект проблемы.

⁹¹ Кан Г.В., Ан В.С., Ким Г.Н., Мен Д.В. Корейцы Казахстана: Иллюстрированная история. Сеул: STC, 1997. 275 с.

⁹² См.: Ким Г.Н. История иммиграции корейцев. Вторая половина XIX в.–1945 г. Кн. 1. Алматы, 1999.

⁹³ См.: Ли Гибэк (Ли Ги Бэк). История Кореи: новая трактовка. М., 2000.

⁹⁴ Там же. С. 375.

В 2001 г. в МГУ им. М.В. Ломоносова была издана книга Бэ Ынгён «Краткий очерк истории советских корейцев (1922–1938)»⁹⁵. На основе материалов, содержащихся в исследованиях российских и зарубежных историков, документальных публикациях, и новых архивных документов автор прослеживает историю формирования корейской общности на советском Дальнем Востоке. В труде уделено внимание вопросам депортации и адаптации корейцев в новых условиях проживания.

Автор условно разделила объективные причины, побудившие руководство страны принять постановление о массовом переселении корейцев из Дальневосточного края, на две группы: внешнеполитические и внутривосточные. К внешнеполитическим причинам относятся существование с середины 1930-х годов реальной военной угрозы со стороны Японии и необходимость укрепления границ на Дальнем Востоке. В связи с этим, считает Бэ Ынгён, усилилось подозрение по отношению к корейцам как к «неблагонадежным элементам», появились обвинения их в сотрудничестве с Японией. К внутривосточным – можно отнести углубление конфликта между корейским населением и местным аппаратом власти, а также стремление советского руководства ликвидировать дефицит трудовых ресурсов при помощи переселения советских корейцев для развития народного хозяйства в республиках Средней Азии и Казахстане. На наш взгляд, выводы являются усеченными, а тема требует дальнейшего изучения.

Исследование проблемы реабилитации этнических общностей, в том числе и российских корейцев, было продолжено Н.Ф. Бугаев, в его работах, опубликованных в начале 2000-х годов. В исследовании «Российские корейцы – новый поворот истории. 90-е годы» приведены содержательные документы и материалы, раскрывающие, прежде всего, роль и место Минфедерации России (Миннац России), его структурных подразделений, в

⁹⁵ См.: Бэ Ынгён (Бэ Ын Гиён). Краткий очерк истории советских корейцев (1922–1938). М., 2001; Она же. Советские корейцы в 20–30-е годы XX века. (К историографии темы). М., 1998; Она же. Советские корейцы в 20–30-е годы XX века. Автореф. дисс. ... к.и.н. М., 1998.

частности, департаментов по делам депортированных и репрессированных народов, по делам национальностей в осуществлении мер по реабилитации этнических общностей России. Особую ценность представляют опубликованные автором отчеты Департамента по итогам осуществления реабилитации российских корейцев как в целом по стране, так и непосредственно в регионах их компактного проживания.

В 2002 г. вышла книга Н.Ф. Бугая «Российские корейцы и политика «солнечного тепла». Автор прослеживает процесс реабилитации российских корейцев, проживающих в Российской Федерации. В ней показана конкретная работа по возрождению и национально-культурному развитию репрессированных народов и граждан, в частности, через обретение, защиту и реализацию их гражданских, политических, социальных, экономических, юридических прав и свобод.

С растущим интересом к Корее и очевидной потребностью в работах по истории этой страны, где на основе современных знаний и с учетом достижений мирового корееведения освещается история корейского народа с древнейших времен до наших дней, связана публикация учебника «История Кореи»⁹⁶ (Ред. А.В. Торкунов). Коллективу авторов удалось преодолеть некоторые устоявшиеся стереотипы и всесторонне представить историю Кореи, начиная с древних времен до окончания Корейской войны (1950 – 1953).

Правительство Российской Федерации, оценивая значительный вклад корейцев в создание экономического потенциала страны, в этнокультурное возрождение общностей, издало в феврале 2004 г. Распоряжение о проведении мероприятий, посвященных 140-летию добровольного переселения корейцев в Россию (№ 149р от 6 февраля 2004 г.). Это был первый документ подобного содержания в истории этнических меньшинств России.

⁹⁶ См.: История Кореи (Новое прочтение) / Ред. А.В. Торкунов. М., 2003.

В связи с исторической датой ученые России и Республики Корея подготовили к изданию богатый научный материал. Этой теме посвящена совместная монография Б.Д. Пака и Н.Ф. Бугая. На основе большого корпуса использованных архивных документов и материалов ими определяется дата добровольного переселения корейцев в Россию – 1864 год⁹⁷. С тех пор корейцы неразрывно связаны с Россией, оставаясь из поколения в поколение органичной составляющей многонационального населения России.

Авторами анализируются многие аспекты истории российских корейцев, активное участие их в борьбе за советскую власть в 1917 г., в партизанском движении в годы Гражданской войны, представлены организаторы корейского российского движения, участники строительства социалистического государства, колхозного движения и новой культуры. Советские корейцы, взаимодействуя с русской культурой, сумели сохранить и свою национальную культуру. В обобщающем виде впервые представлен в книге раздел, в котором повествуется об участии советских корейцев в защите Союза ССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Это была новая страница истории советских корейцев⁹⁸.

Аспект изучаемой темы затронут и в книге Н.Ф. Бугая и О Сонхвана «Испытание временем. Российские корейцы в оценках дипломатов и политиков. Конец XX–начало XXI вв.», посвященной 140-летию добровольного переселения корейцев в Россию. В труде последовательно показаны международные связи двух государств, при этом основной упор сделан на 13-летнем периоде сотрудничества России и Республики Корея, затронуты и вопросы отношений с КНДР⁹⁹.

Второе издание монографии «Россия и Корея», принадлежит крупному ученому, специалисту по истории России и российско-корейских отношений

⁹⁷См.: *Пак Б.Д., Бугай Н.Ф.* 140 лет в России. М., 2004.

⁹⁸См.: *Они сражались за Родину. Представители репрессированных народов СССР на фронтах Великой Отечественной войны* / Ред. Н.Ф. Бугай. М., 2005.

⁹⁹ См.: *Бугай Н.Ф., О Сонхвана (О Сон Хван).* Испытание временем. Российские корейцы в оценках дипломатов и политиков. Конец XX – начало XXI вв. М., 2004.

Б.Д. Паку¹⁰⁰. Ценность представленного исследования в том, что автор по крупницам выстроил процесс самого становления и развития отношений между государствами, воссоздал их реальную картину.

Основным направлением политики России в корейском вопросе в 1860–1910 гг. отмечает автор являлось активное противодействие экспансионистской политике цинского Китая и установлению японского господства в Корее. Россия последовательно выступала за сохранение статус-кво в Корее, чтобы она не стала орудием политики враждебных агрессивных государств. Более того, политика России в значительной степени содействовала проведению внешнеполитического курса корейского правительства, направленного на сохранение независимости страны, укрепление экономического и военного потенциала¹⁰¹.

Интерес к этому труду вызывает и позиция России как потенциального союзника Кореи, ее противостояние Японии и другим агрессивным государствам в превращении Кореи в японскую колонию. Однако Россия, потерпевшая поражение в русско-японской войне (1904–1905), не имела возможности помешать Японии, и вынуждена была примириться с потерей независимости и суверенитета Кореи в результате ее аннексии в августе 1910 года.

В монографии Б.Б. Пак «Российская дипломатия и Корея»¹⁰² подробно рассматривается дипломатическая история российско-корейских отношений после подписания второго русско-корейского договора – Договора о сухопутной торговле (1888). Завершается она исследованием взаимоотношений России и Кореи в период пребывания корейского вана Коджона в русской миссии в 1896–1897 году.

Выводы Б.Б. Пак о том, что на рубеже XIX и XX веков происходит ослабление внимания России к Корее, уступчивая дипломатическая политика царской России по отношению «к беззастенчивому вмешательству Японии в

¹⁰⁰ См.: Пак Б.Д. Россия и Корея. М., 2004.

¹⁰¹ Там же. С. 416–419.

¹⁰² См.: Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея. М., 2004.

дела Кореи», позволила не препятствовать дальнейшему порабощению Японией Кореи.

Две последние работы значительно обогащают историографию российско-японско-корейских дипломатических отношений на Дальнем Востоке в начале XX века, являясь основными источниками в исследовании советско-японско-корейских отношений в 1920–1930 годы. Главные направления политики царской России на Дальнем Востоке были продолжены молодой советской республикой.

Истории политических репрессий районного масштаба посвящена книга А.Ю. Ватлина «Террор районного масштаба: «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937–1938 гг.»¹⁰³. Она основана на анализе архивно-следственных дел, переданных в Государственный архив Российской Федерации. Отличительной особенностью публикации является особый «взгляд снизу», с точки зрения их конкретных исполнителей на местах. Сеть низовых структур НКВД СССР по всей стране оказалась ключевым звеном, позволившим «вытянуть» контрольные цифры арестов и расстрелов, одобренные руководством страны. Автором составлен список жертв Кунцевского райотдела НКВД за период с лета 1937 до весны 1938 г., который включает более 560 имен. Среди них выявлены три корейца, два из них – приговорены к расстрелу, один – к 10 годам лишения свободы.

Музыкальной культуре советских корейцев посвящена статья В.А. Королевой «Художественная деятельность корейцев на Дальнем Востоке России во второй половине XIX в.–1930-х гг.»¹⁰⁴. Существенные особенности содержания художественных образов, динамики, направлений и форм развития художественной деятельности (воспроизводство художественного инварианта – канона или создание новых жанров),

¹⁰³ См.: Ватлин А.Ю. Террор районного масштаба: «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937–1938 гг. М., 2004.

¹⁰⁴ Королева В.А. Художественная деятельность корейцев на Дальнем Востоке России во второй половине XIX в.–1930-х гг. / Вестник центра корееведческих исследований ДВГУ. Материалы II Международной корееведческой конференции. Тезисы и доклады. № 1 (6). Спецвыпуск. Владивосток, 2004. С. 89.

механизма функционирования (различные формы распространения и потребления художественных ценностей) на протяжении каждого исторического этапа изучаемого времени в различных социально-политических и экономических условиях, отмечает автор, отражали эволюцию этнического самосознания, политической и гражданской активности российских корейцев. Также В.А. Королева замечает, что важное место в культурной среде корейцев занимал жанр песенной драмы «пхансори», а также трудовые, лирические, семейно-бытовые и семейно-обрядовые песни, являвшиеся неотъемлемой частью быта, повседневной жизни. Наряду с этим, широкое распространение и высокий гражданский пафос имел жанр песен антияпонского движения.

Однако исторические события в России в 1917–1922 годах, предопределили рождение жанров песен революционно-освободительного движения и песен гражданской войны¹⁰⁵. Так, например, в 1920 г. на стихи парторга корейского партизанского отряда Ю Дингу к празднику 1 мая был создан «Марш Солбаткванского партизанского отряда», ставший самым любимым музыкальным девизом корейских партизан Приморья¹⁰⁶. Исследование В.А. Королевой интересно тем, что показывает трансформацию духовной жизни корейцев, постепенное вытеснение традиционной национальной составляющей интернациональной и социалистической направленностью.

Событием в общественной жизни российских корейцев стала и очередная монография Н.Ф. Бугая «Третья Корея»: новая миссия и проблемы глобализации...»¹⁰⁷, посвященная роли и месту «третьей Кореи» — российских корейцев, корейцев, проживающих в других государствах СНГ, в укреплении отношений между странами, показано значение институтов гражданского общества в реализации этой социальной задачи.

¹⁰⁵ Там же. С. 110.

¹⁰⁶ Там же. С. 111.

¹⁰⁷ См.: Бугай Н.Ф. «Третья Корея»: новая миссия и проблемы глобализации... М., 2005.

На богатом историческом материале рассматриваются отношения между Россией и странами Северо-Восточной Азии, Республикой Кореей в условиях глобализации в начале XXI века и указывается место российских корейцев в этих процессах. Как считает автор, «одной из основных задач, должна стать объективная потребность общения и сотрудничества между национальными общественными организациями. Обмен опытом, общение с этническими общностями, по мнению автора, приведет к гармонизации российского сообщества, воспитанию культуры межнационального общения. Это и проявление заботы о будущих поколениях, формирование новой культуры взаимоотношений»¹⁰⁸.

В 2006 г. в Институте востоковедения РАН был опубликован труд Б.Д. Пака «СССР, Коминтерн и корейское освободительное движение. 1918–1925. Очерки, документы, материалы»¹⁰⁹. На основе не публиковавшихся ранее материалов центральных и региональных архивов Российской Федерации показана политика СССР и Коминтерна в отношении корейского освободительного движения. Рассматривается деятельность некоторых общественных организаций на Дальнем Востоке.

В связи с изучаемым вопросом особенно ценной представляется предыстория корейцев-коммунистов, активно участвовавших в революционной, политической, экономической и общественной жизни, а затем репрессированных тоталитарным режимом. Эта книга явилась своеобразным недостающим звеном в правдивом освещении событий применительно и к советским корейцам.

В ряду других исследований истории массовых операций является публикация О.Б. Мозохина «Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953)»¹¹⁰, в которой подробнейшим образом исследуются внесудебные полномочия органов

¹⁰⁸ Там же. С. 269.

¹⁰⁹ См.: *Пак Б.Д.* СССР, Коминтерн и корейское освободительное движение. 1918–1925. Очерки, документы, материалы. М., 2006.

¹¹⁰ См.: *Мозохин О.Б.* Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М., 2006.

государственной безопасности с 1918 по 1953 годы, предоставленные им высшими законодательными органами государства. Помимо истории внесудебных полномочий органов ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ в монографии публикуются статистические сведения о деятельности органов безопасности, отчетность по всем направлениям их работы. Отобраны сведения о количестве лиц, привлеченных к уголовной ответственности за антисоветские преступления, а также количестве лиц, приговоренных к высшей мере наказания по национальному и социальному составу и др. Благодаря этим сведениям значительно расширились и пополнились знания по исследованию репрессированных корейцев.

Автор сдержанно выражает свое отношение к репрессивной политике государства, считая ее необходимой и достаточной. Трудно согласиться с выводом автора, что высшими партийными и государственными органами страны подтверждалась необходимость наделения органов безопасности внесудебными полномочиями с целью эффективной и быстрой расправы с политическими противниками и уголовными элементами. О.Б. Мозохин выступает против недопустимой, с его точки зрения, криминализации советской тайной полиции. «Внесудебные полномочия» были делегированы органам НКВД высшим законодательным органом страны¹¹¹. Таким образом, автор сводит роль органов тайной полиции к чисто исполнительным функциям: «... ни одно решение не принималось органами безопасности и прокуратуры самостоятельно. Политбюро жестко контролировало деятельность этих ведомств, периодически заменяя руководящий кадровый состав партийными работниками... Все вопросы репрессивной политики государственных органов рассматривались, организовывались и направлялись через Политбюро»¹¹².

О.Б. Мозохин демонстрирует свою принципиальную незаинтересованность в дискуссии: анализ других исследований у него

¹¹¹ Там же. С. 20–22.

¹¹² Там же. С. 193–194.

полностью отсутствует, он использует и цитирует исключительно и эксклюзивно только «объективные» материалы из Архива Президента Российской Федерации и Центрального архива ФСБ.

Проблеме политических репрессий командно-начальствующего состава РККА в 1937–1938 гг. посвящена монография В.С. Мильбаха¹¹³. В работе приведены новые сведения, которые помогают воссоздать исторически объективную картину происходившего, понять, что скрывается за статистикой репрессий, оценить влияние внутривнутриполитических событий на состояние обороноспособности восточных рубежей страны накануне Великой Отечественной войны (1941–1945).

Всесторонний подход к проблеме репрессивной политики позволил В.С. Мильбаху объективно выстроить всю цепь событий по нарастающему вектору политических репрессий по отношению к командному составу ОКДВА. Последствия беспощадных арестов и расстрелов командно-начальствующего состава пришлось ощутить в боевой обстановке у оз. Хасан в 1938 году. Впервые на основе материалов, изложенных в монографии, составлен поименный список жертв политических репрессий командного состава ОКДВА, в том числе и корейцев из командного состава ОКДВА, репрессированных в 1937–1938 гг.

В 2007 г. в связи с 70-летием трагической депортации корейцев с территории Дальнего Востока в Казахстан и республики Средней Азии был опубликован очередной труд Н.Ф. Бугая «Корейцы стран СНГ: общественно-географический синтез» (начало XXI века)¹¹⁴. Автор продолжил исследование вопросов, поставленных в предыдущей книге «Третья Корея»: новая миссия и проблемы глобализации...». Благодаря использованию разного рода источников расширен круг проблем, в частности, расселение и депортация корейцев с XIX века, включая и 1930–1940-е годы. Получил

¹¹³ См.: Мильбах В.С. Особая Краснознаменная Дальневосточная армия (Краснознаменный Дальневосточный фронт). Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. С.-Петербург, 2007.

¹¹⁴ См.: Бугай Н.Ф. Корейцы стран СНГ: общественно-географический синтез» (начало XXI века). М., 2007.

объективную оценку вклад корейского населения в развитие экономики и социальной сферы тех регионов, куда они были переселены, приведены примеры операций по репрессированию корейских граждан в 1937 г. на территории Ярославской области.

Исследования Н.Ф. Бугая основываются на различных методах, включая и метод общественно-«географического синтеза», отвергнутый советскими учеными в 1920-е гг. Использование этого метода доказывает его жизнеспособность и дает комплексный подход к решению проблем национально-государственного строительства в Российской Федерации.

Оба труда, основываясь на этом методе, учитывают анализ таких составляющих общества как его пространственная организация, обеспечение территориального планирования и управления, формирование единого правового пространства в целях эффективного регулирования национальными процессами в обществе, создания межотраслевых комплексов для хозяйственного освоения территорий, усиления связи производства с расселением (вместе с миграционной составляющей), степени прочности самоидентификации северокавказских народов и российских корейцев. Все эти направления способствуют консолидации российского сообщества в целом, в том числе северокавказского и корейского сообществ.

В 2007 г. были изданы книги о персоналиях – Ким Черсане и Нине Всесвятской¹¹⁵, репрессированных в 1938 г. Ким Черсан был переводчиком издательства иностранных рабочих в Москве, по приказу УНКВД по г. Москва в феврале 1938 г. арестован и приговорен к расстрелу. Согласно оперативному приказу НКВД СССР № 00486 «О репрессировании жен и размещении детей осужденных изменников Родины» Нина Всесвятская – жена Кима Черсана, была приговорена к пяти годам лишения свободы с последующей высылкой на восемь лет в Казахстан.

Г.А. Югай в своем эссе «Жизнь и судьба репрессированных корейцев в СССР и их потомков» описывает судьбы репрессированных корейцев в

¹¹⁵См.: Ким Ю.Ч., Ким А.Ч. О нашей маме Нине Всесвятской, учительнице. М., 2007.

1937 г. и их родственниках Цой Шену¹¹⁶. Выявленные новые архивные документы, анкетные листы из личного дела Цой Шену¹¹⁷, позволили автору показать превентивность обвинения и наказания невинных жертв политических репрессий. Воспоминания родственников, помещенные в книгу, воссоздают всю картину трагизма, безысходности арестованных и родственников, остававшихся на свободе.

В новейшей публикации «Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг.», ее авторы – начальник кафедры истории отечества и органов безопасности Академии ФСБ РФ В.Н. Хаустов и сотрудник Института истории экономики Стокгольмской школы экономики Л. Самуэльсон. В первую очередь они проявили интерес к роли Сталина в осуществлении массовых репрессий, при этом под массовыми репрессиями авторами подразумевается также преследование элит¹¹⁸. Трудно согласиться с их выводом в отношении массовых операций (приказ № 00447 и «национальные» операции). По их мнению, в данном случае Сталин в отличие от широкого и детального участия в акции против элит, вмешался только в двух случаях, а именно в начале 1938 года, когда «расширив сферу применения внесудебных репрессий», он направил их против служащих железных дорог и бывших политических конкурентов большевиков – эсеров, анархистов, меньшевиков и др.¹¹⁹. Авторы считают, что осуществление массовых операций было поручено местному партийному и чекистскому руководству. Сталин, якобы, не вмешивался в их проведение, «ограничиваясь общими указаниями об увеличении лимитов, поощряя усердие НКВД»¹²⁰. Однако в случае массовой депортации корейского населения с территории Дальнего Востока Сталин лично контролировал весь ход операции.

¹¹⁶ См.: Югай Г.А. Жизнь и судьба репрессированных корейцев в СССР и их потомков. Алматы, 2007.

¹¹⁷ Цой Шену (Цой Шен У) (1898–1937) – активный политический деятель Корейской компартии, работал в КУТВ и секретариате ИККИ. В августе 1937 г. был уволен из аппарата ИККИ, арестован органами НКВД и расстрелян. Реабилитирован.

¹¹⁸ Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2008. С. 328.

¹¹⁹ Там же. С. 273–274, 282.

¹²⁰ Там же. С. 281, 286, 328.

Нельзя переоценить научный вклад Н.Ф. Бугая в исследование истории этнических меньшинств многонациональной России, насильственно переселенных с мест постоянного проживания. Это касается и корейской общности. Публикация обобщающего труда автора «Корейцы России: вопросы экономики и культуры»¹²¹ является первой научной работой, где показаны российские корейцы в экономическом секторе многих регионов России, гармонично вписавшиеся в социально-экономический и культурный фон многонациональной страны.

На фактическом материале показано развитие сотрудничества в сфере экономики и культуры между Россией и Республикой Корея в начале XXI века, раскрыта роль российских корейцев как связующей нити в отношениях России и государств Корейского полуострова. Выводы автора о судьбе российских корейцев, сводящейся к тому, что «в трудных условиях приходится российским корейцам выживать в начале XXI века. Через общение с другими этническими общностями России, русскую культуру, культуру других народов, они проявляют себя, занимая достойное место в российском обществе»¹²², во многом созвучны с судьбами других репрессированных народов.

В 2009 г. вышла в свет монография А.Ю. Ватлина¹²³, в которой представлены ключевые проблемы истории Коммунистического Интернационала. Выводы автора констатируют о том, что в результате репрессивных акций по отношению к членам аппарата ИККИ и его секций, были уничтожены их творческий потенциал и способность к принятию самостоятельных решений. При рассмотрении деятельности Корейской секции в отделе Колониальные народы при Коминтерне, данная публикация имеет отношение и к изучаемой теме.

Коллектив авторов – историки России, Украины и Германии в 2009 г. выпустили книгу «Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг.

¹²¹ См.: Бугай Н.Ф. Корейцы России: вопросы экономики и культуры. М., 2008.

¹²² Там же. С. 450.

¹²³ См.: Ватлин А.Ю. Коминтерн: идеи, решения, судьбы. М., 2009.

Массовая операция на основе приказа № 00447»¹²⁴. На основе архивных документов из ряда регионов бывшего Советского Союза авторы существенно расширили картину Большого террора. Операция по приказу № 00447 вошла в число крупнейших бюрократически организованных государственных преступлений XX века. Исследователи считают, что с выполнением этой операции террор в Советском Союзе приобрел новое качество. Вместе с проводившимися сепаратно, но практически одновременно, «национальными операциями» террор сделался поистине Большим.

Авторами изучены пути и методы реализации приказа в различных регионах бывшего Советского Союза: Донецкая, Киевская, Калининская (Тверская), Новосибирская и Свердловская области, а также Алтайский край, тем самым показана региональная специфика и общие черты изучаемого явления. Впервые систематизирована история организации и ход карательной акции: возникновение, проведение и завершение операции по приказу № 00447.

Основной вывод ученых-исследователей сводится к тому, что главный удар приказа № 00447 был направлен против простого населения Советского Союза. Причем «простое» население отождествляется с «далеким от власти и связанными с ней привилегиями» населением. В книге помещены количественные характеристики применительно к корейцам, арестованным в Донецкой области.

Одна из новейших публикаций «Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография»¹²⁵ ее авторы – Джон Кип и Алтер Литвин – свидетельствует о том, что тема сталинизма остается одной из самых актуальных и дискутируемых. По мнению авторов, стремление историков, политиков, обществоведов, социологов написать историю сталинизма сравнима с линией горизонта, которая всегда будет оставаться на

¹²⁴ Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / Сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М., 2009.

¹²⁵ Кип Дж., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. (пер. с англ.) М., 2009.

недосягаемом расстоянии, побуждая идти вперед и решать на этом пути конкретные научные задачи. Востребованность в изучении данной темы объясняется расколом и колебаниями общественного мнения.

Историки России, Украины и Германии исследовали огромный пласт архивных документов в ряде регионов бывшего Советского Союза, воплотившиеся в труд под названием «Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447»¹²⁶. Авторы книги существенно расширили картину Большого террора. В поле их зрения находится сама массовая операция 1937–1938 гг. – «кулацкая», сигналом к проведению которой послужил приказ НКВД № 00447. Исследования проводились в Алтайском и Западно-Сибирском краях, Свердловской, Калининской, Пермской, Ленинградской, Новосибирской, Донецкой, Киевской областях, в Прикамье. В центре изучения оказались судьбы тысяч людей – бывших «кулаков», белых офицеров и царских чиновников, меньшевиков, эсеров и анархистов, заключенных тюрем и лагерей, уголовников, членов религиозных общин, участников локальных восстаний, а также самих карателей.

Научный интерес представляет исследование В.Н. Никольского «Кулацкая операция» НКВД 1937–1938 гг. в Украинском Донбассе и ее статистическая обработка»¹²⁷, где представлен национальный состав репрессированных. Сведения из статистической отчетности по репрессированным в соответствии с оперативным приказом НКВД СССР № 00447 в 1937 г. воссоздают этническую картину. Оказалось, что в период с 1 января 1937 по 1 января 1938 г. по Донецкой области по всем «линиям», «кулацкой» и «национальным» операциям были арестованы представители 13 национальностей в количестве 27 042, среди них корейцев – 19 человек¹²⁸. В первой половине 1938 г. по УССР и Донецкой области были арестованы

¹²⁶ Сталинизм в советской провинции: 1937 – 1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / [сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер]. М., 2009.

¹²⁷ Никольский В.Н. «Кулацкая операция» НКВД 1937–1938 гг. в Украинском Донбассе и ее статистическая обработка / Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / (сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер). М., 2009. С. 785–843.

¹²⁸ Там же. С. 836.

представители 24 национальностей в количестве 89 025, среди них корейцев – 77 человек¹²⁹. Это, безусловно, ценные сведения о корейцах в украинской земле. По всей видимости, эта часть корейцев трудилась на угольных шахтах Донбасса и здесь необходимо глубокое исследование о жизни корейцев в полиэтничном сообществе.

Знаменательное событие произошло в жизни Московского центра корееведения МГУ и в российском корееведении с выходом книги профессора Сеульского университета Хан Ёнью «История Кореи: новый взгляд»¹³⁰. Книга не один год переводилась специалистами Центра под редакцией М.Н. Пака с корейского языка. В Корею этот труд считается одним из самых популярных и содержательных фундаментальных исследований по истории Кореи. Позиция автора базируется на укреплении равноправных и дружественных отношений с другими государствами. Книга повествует о многовековом социальном и политическом развитии страны, в котором большое место занимает борьба за создание и защиту государственной независимости.

Впервые российскому читателю представилась возможность познакомиться с историей Кореи, где дается трактовка и истории КНДР и истории Республики Корея с момента ее разделения. Безусловно, ощущается недостаток информации о КНДР, поскольку, доступ к архивным материалам закрыт. Автор стремится показать, что некогда единая страна с единым народом имеет единую историю.

В отличие от Ли Гибэка «История Кореи: новая трактовка» Хан Ёнью большое внимание уделяет национальной освободительной борьбе корейского народа против японских угнетателей на родине и зарубежом. Однако автор, повествуя о сильном влиянии коммунистической партии в стране, не придает значения корейскому антияпонскому сопротивлению на территории России.

¹²⁹ Там же. С.837–838.

¹³⁰ См.: Хан Ёнью. История Кореи: новый взгляд / Хан Ёнью; пер. с корейского Ред. М.Н. Пак. М., 2010.

В 2011 г. появилась еще одна не менее важная работа для российских корееведов – «История Кореи»¹³¹ в двух томах авторов – В.М. Тихонова и Кан Мангиля. Первый том – это второе издание книги «История Кореи» В.М. Тихонова с древнейших времен до 1904 года. Второй том содержит описание истории страны в период японского протектората (1905–1910) и прямого колониального правления (1910–1945), а также обобщающий труд прогрессивной историографии проф. Кан Мангиля, освещающей события 1945–1992 гг. в переводе с корейского Т.М. Симбирцевой.

Анализируя значение Октябрьской революции для Кореи, В.М. Тихонов отмечает, что, несмотря на эксцессы, происходившие в самой России, российские революции стали ключевым событием для истории Кореи в XX веке. «Октябрь дал передовым людям Кореи надежду на национальное и социальное освобождение, одновременно позволив им преодолеть ограниченность националистических воззрений, повести освободительную борьбу в союзе с коммунистами колониальной метрополии-Японии»¹³², утверждает автор.

Нельзя обойти и другое знаменательное событие, в преддверии 100-летия Ким Ирсена – великого вождя, создателя и многолетнего лидера Корейской Народно-Демократической Республики опубликована книга «Ким Ир Сен»¹³³ из серии: Жизнь замечательных людей. А. Балканский – автор первой на русском языке биографии Ким Ирсена.

А. Балканский поставил целью развеять некоторые слухи, ответить на многие вопросы, которые, по причине закрытости этой страны, витали в российском обществе. Люди, родившиеся в Советском Союзе, пишет автор, анализируют и будут анализировать причины того, почему великой страны, в которой мы произошли на свет, больше нет. И при любых разговорах о том, что «СССР был обречен», перед глазами возникает пример Северной

¹³¹ См.: Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи. В 2-х т. М., 2011.

¹³² Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи. 2 т. М., 2011. С. 13.

¹³³ См.: Балканский А. Ким Ир Сен. М., 2011.

Кореи¹³⁴. Автор выражает свои симпатии и уважение к Ким Ирсену, наравне с некоторой иронией к некоторым поступкам и поведению по отношению к своему народу – корейцам.

О депортации корейцев с Дальнего Востока А. Балканский отмечает, что в национальной памяти в КНДР эти события оставили свой горький след. И даже глубоко уважавший Сталина до конца жизни Ким Ирсен отзывался об этом с осуждением: «В середине 30-х гг. осуществлялось коллективное переселение проживающих на Дальнем Востоке корейцев в районы Средней Азии. Советские люди объясняли, что перемещение людей корейской национальности в Казахстан и Узбекистан – вынужденная мера, необходимая для обеспечения обороны страны. Но корейцев такое объяснение не устраивало. Услышав весть об этом, я тоже до глубины души испытал горечь народа, лишенного Родины»¹³⁵. От прочтения книги остается двойственное впечатление: сожаление о существующем тоталитарном режиме и уважение к стойкости простых корейцев.

Впервые в историографии Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., корееведения России и стран СНГ опубликованы биографические очерки о 372 советских корейцев, сражавшихся на фронтах Великой Отечественной войны¹³⁶. Коллектив составителей книги проделал колоссальную работу, собрав по крупицам в военных архивах России, Казахстана и Узбекистана ранее неизвестный материал. Нельзя не согласиться с мнением Н.Ф. Бугая, что это издание не только существенно расширяет наши представления о роли этнических меньшинств в войне, но и формирует новое направление российской историографии Великой Отечественной войны в целом¹³⁷. Согласно опубликованным документам, корейцы сражались на всех фронтах войны, проявляли героизм и мужество.

¹³⁴ Балканский А. Ким Ир Сен. М., 2011. С. 243.

¹³⁵ Там же. С. 58.

¹³⁶ См.: Советские корейцы на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Сост. Шин Д.В., Пак Б.Д., Цой В.В. М., 2011.

¹³⁷ См.: Бугай Н.Ф. Д.В. Шин, Б.Д. Пак, В.В. Цой. Советские корейцы на фронтах Великой Отечественной войны. Серия «Российские корейцы» // Российская история. № 3. 2012.

С другой стороны, опубликованный материал является еще одним доказательством абсурда и хаоса, происходившего накануне войны. Выявлены свидетельства о судьбах военнослужащих-корейцах репрессированных до войны, приговоренных к смертной казни, но в дальнейшем, как оказалось, они воевали на фронтах ВОВ.

И вновь появилась возможность познакомиться с одним из последних трудов профессора Н.Ф. Бугая «Северный Кавказ. Государственное строительство и федеративные отношения: прошлое в настоящем»¹³⁸. Название книги само по себе несет смысловую нагрузку и заставляет задуматься в свете последних событий, происходящих в России.

Прежде всего, хотелось бы отметить, что данное исследование представлено не только в совершенно новом формате, но и иным подходом к исследуемой проблеме в целом. Безусловно, в монографии отражается многолетний опыт работы автора в Министерстве национальностей России – в департаментах: по делам депортированных и репрессированных народов; по делам Северного Кавказа; проблемам русского народа; ведущим советником Департамента межнациональных отношений Министерства регионального развития Российской Федерации.

Однако если прежние работы Н.Ф. Бугая посвящались истории отдельно взятых депортированных народов¹³⁹, то последняя монография Н.Ф. Бугая раскрывает широкий спектр истории этнических общностей, проживающих на территории Северного Кавказа как титульных (дагестанцы, чеченцы, ингуши, осетины, калмыки, кабардинцы, балкарцы, карачаевцы и др.), так и этнических меньшинств (греки, немцы, корейцы, болгары, хемшилы, курды, турки-месхетинцы, казаки и др.). Новизна и главная

¹³⁸ См.: Бугай Н.Ф. Северный Кавказ. Государственное строительство и федеративные отношения: прошлое в настоящем. М., 2011.

¹³⁹ Бугай Н.Ф. Чеченская республика: конфронтация, стабильность, мир. М., 2006; Бугай Н.Ф., Мамаев М.И. Турки-месхетинцы. М., 2009; Бугай Н.Ф. Русские на Северном Кавказе: социальное положение, трансформации этнической общности (1990-е годы–начало XXI века). М., 2011; Он же. Курдский мир России: политико-правовая практика, интеграция, этнокультурное возрождение (1917–2010-е годы). СПб., 2012 и др.

ценность данного труда заключается в комплексном рассмотрении истории всех народов, без «выпячивания» какой-либо из них.

Объективная оценка ситуации в Северокавказском федеральном округе, по мнению автора, заключается в том, что необходимо создавать условия для комфортной жизни всех этнических общностей, расселенных в регионе. Без учета их интересов, исключения негативных социальных явлений, неприязненных отношений, возбуждения религиозной ненависти, унижения, экстремизма не произойдет эволюционных изменений в системе межэтнических отношений, в воспитании культуры межэтнического общения. Решение этих задач в этой болезненной сфере должно осуществляться исключительно на основе консенсуса, с учетом интересов каждого из народов.

Рекомендации автора ценны и имеют право быть учтенными в ходе совершенствования федерализма, федеративных отношений. В условиях существующих федеративных отношений, по мнению Н.Ф. Бугая, надо учитывать наличие таких факторов как уровень компетентности аппарата управления, кадрового потенциала, поиск форм участия в управлении – в федеральных органах и на местах представителей этнических общностей страны, наличие эффективного союза ученых и практиков.

Среди этнических меньшинств, проживавших на Северном Кавказе, были и корейцы. Н.Ф. Бугай раскрывает новую неизвестную страницу истории российских корейцев, переселившихся на территорию Ставропольского края в 1951 году. По сведениям автора, в начале 1950-х годов для восстановления сельского хозяйства после Великой Отечественной войны и развития новой сельскохозяйственной отрасли «рисоводство» на Северном Кавказе корейцам предложили поселиться в Ставропольском крае. Советское руководство, Переселенческое управление при Совете Министров РСФСР были осведомлены о том, что корейцы зарекомендовали себя как опытные рисоводы и земледельцы. За короткое время в Невинномысском районе были хозяйственно обустроены 198

граждан корейской национальности, прибывшие из республик Средней Азии. Н.Ф. Бугай вводит новые архивные материалы о российских корейцах, чья трудовая деятельность проходила в колхозах им. В.И. Ленина и «Чонгар». Опубликованные сведения являются очередным посылом для более тщательного исследования жизни корейцев на Северном Кавказе.

В 2011 г. двадцатилетние исследования о принудительных переселениях этнических общностей в России – Советском Союзе (1920–1930) Н.Ф. Бугая были обобщены и собраны в одном труде: Л. Берия – И. Сталину: «После ваших указаний проведено следующее...»¹⁴⁰. В книге освещаются события кануна Гражданской войны в России, периода 1930–1940-х годов. В хронологической последовательности раскрыты причины, ход, подготовки и депортации этнических общностей в Союзе ССР. Показаны роль и место И. Сталина, Л. Берии и других советских деятелей, военачальников той эпохи.

В освещении тех или иных социальных процессов, касается ли это раскулачивания, коллективизации, индустриализации, расказачивания, депортации и реабилитации этнических общностей Союза ССР, прочих политических кампаний, независимо от того, кем они внедрялись в практику, в исследованиях Н.Ф. Бугая выводы сбалансированы и соответствуют правде истории, отсутствуют субъективизм и предвзятость.

Впервые российским ученым-историком поднимается философско-нравственная проблема в рассмотрении вопросов государственной национальной политики в отношении к этническим меньшинствам, в том числе и к корейскому. Н.Ф. Бугай рассматривает фактор доверия как фундаментальный, характеризовавший отношения большой страны с этническими меньшинствами¹⁴¹. «Степень доверия, – отмечает автор, – позволяет проследить формирование не только отношений между индивидуумами, но и отношений между этническими общностями»¹⁴². К

¹⁴⁰См.: Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «После ваших указаний проведено следующее...». М., 2011.

¹⁴¹ Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «После ваших указаний проведено следующее...». М., 2011. С. 55.

¹⁴² Там же.

сожалению, И. Сталин не доверял советскому народу в созданной им социалистической империи.

В своем труде Н.Ф. Бугай охватил все процессы принудительных переселений в Союзе ССР, начиная с Гражданской войны, и заканчиваются депортациями во время Великой Отечественной войны. С середины 1930-х годов и до 1953 г. было депортировано около 3, 5 млн человек, представителей более, чем 60 этнических общностей СССР. Свидетельством провала и неэффективности тоталитарно-идеологических методов управления обществом в Союзе ССР, Н.Ф. Бугай рассматривает реабилитацию незаконно репрессированных народов¹⁴³.

Проблемы роли и места корейской общности в системе межэтнических отношений были в центре внимания состоявшихся многих заседаний «круглых столов», конференций как российского, так и международного уровня¹⁴⁴.

В 1997 г. во Владивостоке были изданы материалы первой Дальневосточной научно-практической конференции «Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920–1950-е годы». В сборник вошли доклады, посвященные историографии, проблемам, причинам начала и развития репрессий в СССР и на Дальнем Востоке. На конкретных примерах

¹⁴³ Там же. С. 423.

¹⁴⁴ См.: Репрессированные народы: история и современность. Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научно-практической конференции. Элиста, 1992; Репрессированные народы: история и современность. Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции, посвященной 50-летию депортации балкарского народа. Нальчик, 1994; Материалы Международной научной конференции «Россия – Корея: история и современность», посвященной 140-летию добровольного переселения корейцев в Россию. Екатеринбург, 2004; Материалы научно-практической конференции «История и положение корейцев в России», посвященной 140-летию добровольного переселения корейцев в Россию. Хабаровск, 2004; Материалы научно-практической конференции «Роль и место корейской диаспоры Ростовской области в диалоге народов и культур», посвященной 140-летию добровольного переселения корейцев в Россию. Ростов-на-Дону, 2004; Материалы областной научно-практической конференции «Проблемы этнической истории и культуры российских корейцев», посвященной 140-летию со дня добровольного переселения корейцев в Россию. Оренбург, 2005; Материалы международной научно-практической конференции «Великая отечественная война в контексте истории XX в.». Краснодар, 2005; Материалы всероссийской научно-практической конференции «Межнациональные отношения в Краснодаре на современном этапе: перспективы устойчивого развития» (Подходы к решению общероссийской проблемы). Краснодар, 2005; Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Власть и общество в России: опыт истории и современность. 1906–2006 гг.». Краснодар, 2006; Материалы всероссийской научно-практической конференции «Проблемы становления гражданского общества на юге России». Армавир, 2006; Международная научная конференция «Взаимодействие культур Кореи и Центральной Азии» (История, социология, политические науки, экономика, культура, юриспруденция). Алматы, 2006 и др.

раскрывались формы репрессий, проводимых в СССР в 1920–1950-е годы, против групп рабочих различных отраслей промышленности, крестьянства, интеллигенции, военнослужащих, партийных деятелей, духовенства¹⁴⁵.

Региональная общественная организация «Корейский культурно-просветительский центр «Первое Марта» выпустила сборник статей по материалам научной конференции «60 лет депортации корейцев России с Дальнего Востока в Казахстан и Среднюю Азию»¹⁴⁶. В сообщениях использованы выявленные новые источники, достижения научных разработок российских и корейских историков (Республика Корея), в целом исторической науки Республики Корея и КНДР. Ученые в своих выступлениях прослеживают изменения, которые происходили в разные периоды в жизни советских корейцев, начиная с переселения в Россию и до конца 1940-х годов. Несомненно, знакомство корейских ученых (Республика Корея) с трудами российских ученых-историков заметно расширило их представления о жизни российских корейцев.

24 апреля 2004 г. по теме «120-летие Сеульской конвенции и 140-летие добровольного переселения корейцев в Россию» состоялось заседание «круглого стола» «Проблемы развития и совершенствования национальных отношений в мегаполисе Москва Российской Федерации». В основных докладах, с которыми выступили профессора Б.Д. Пак, Н.Ф. Бугай, а также в сообщениях участников заседания были рассмотрены вопросы начала добровольного переселения корейцев в Россию, о Сеульской конвенции (1884), о корейском этническом меньшинстве в Союзе ССР (России), о проблемах репрессий корейцев в 1930–1940-е годы.

В Оренбурге состоялась научно-практическая конференция «Проблемы этнической истории и культуры российских корейцев»¹⁴⁷, посвященная 140-

¹⁴⁵ Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920–1950-е гг. Материалы первой Дальневосточной науч.-практ. конф. Владивосток, 1997 и др.

¹⁴⁶ 1937 год. Российские корейцы. (Приморье – Центральная Азия – Сталинград. Депортация). М., 2004.

¹⁴⁷ Материалы областной научно-практической конференции «Проблемы этнической истории и культуры российских корейцев», посвященной 140-летию со дня добровольного переселения корейцев в Россию. Оренбург, 2005.

летию добровольного переселения корейцев в Россию. На конференции обсуждались вопросы национальной и иммиграционной политики по отношению к этническим общностям в Российской Федерации, проблемы реабилитации и миграции корейцев в современной России, в частности, рассматривался пример корейцев в Оренбургской области.

Краснодарским краевым отделением Общероссийской общественной организации «Российское историко-просветительское правозащитное и благотворительное общество» (Российский «Мемориал») проводятся научные конференции, посвященные истории массовых политических репрессий в СССР. Корейцы в Союзе ССР, как составная часть населения, стали жертвами «Большого террора»¹⁴⁸.

В Москве в институте Дальнего Востока РАН ежегодно проводятся конференции корееведов России и стран СНГ. Ученые представляют свои исследования об актуальных проблемах Корейского полуострова и развитии политических, экономических отношений РФ с двумя корейскими государствами. Важным историческим фактом является рассмотрение вопроса роли и места корейцев в России в 1920–1990-е годы во внешнеполитических отношениях между Союзом ССР и Японией. Этот вопрос рассматривался на XIV научной конференции корееведов в ИДВ РАН. Корейцы на территории советского Дальнего Востока оказались «заложниками» двух стран СССР и Японии. Изменения во внешней политике между этими странами напрямую отражались на судьбе советских корейцев¹⁴⁹.

13–15 мая 2010 г. в Международном центре корееведения МГУ им. М.В. Ломоносова состоялась Региональная конференция молодых

¹⁴⁸ Сон Ж.Г. 1920–1930-е годы: советские корейцы – жертвы «Большого террора» // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию начала «Большого террора». Материалы III Всероссийской научной конференции. Краснодар, 2006. С. 68–73; *Она же*. Вопросы истории депортации корейского народа (1937 год) // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. Роль СССР во Второй мировой войне – неизвестные и малоизученные страницы. Материалы IV Всероссийской научной конференции. Краснодар, 2006. С. 112–119.

¹⁴⁹ Сон Ж.Г. Советско-японские отношения в 1920–1930-е годы: судьбы корейцев // Корейский полуостров: уроки истории. Доклады, представленные на XIV научной конференции корееведов России и стран СНГ. М. – ИДВ РАН, 2010. С. 125–135.

ученых-корееведов России «XX век в истории Кореи». 2010 г. явился знаковым годом для обоих государств Корейского полуострова – 100-летие аннексии Кореи Японией, 65-летие освобождения Кореи от японского колониального господства, 60-летие начала Корейской войны, а также 20-летие установления дипломатических отношений между Российской Федерацией и Республикой Корея.

В связи с этим на конференции были рассмотрены актуальные историко-политические, а также экономические, социальные и культурные проблемы Корейского полуострова в XX веке.

На базе факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова ежегодно проводится международная конференция «Государственное управление в XXI веке: традиции и инновации». 25–27 мая 2011 г. состоялась 9-я конференция, посвященная вопросам государственного управления в условиях глобализации, современных технологий управления, антикризисных стратегий в региональном управлении и местном самоуправлении, социальной политики государства и др.

В рамках рабочей группы «Повышение роли регионального управления и местного самоуправления в современных условиях» рассматривался вопрос о трудовых ресурсах. В частности, обсуждалась проблема российских корейцев в 1920–1930-е годы. В сообщении отмечалось, что со стороны государственных органов управления не был использован трудовой потенциал в лице корейцев (199 500 человек) для развития целой отрасли сельского хозяйства – советское рисоводство на Дальнем Востоке. В результате обострения международного положения в Союзе ССР, ухудшением отношений с Японией корейцы превентивно были обвинены и депортированы с Дальнего Востока в республики Средней Азии и Казахстан.

В 24 июня 2011 г. в Ростове-на-Дону состоялась Межрегиональная научно-практическая конференция «Гармонизация межнациональных отношений в Южном федеральном округе. Российские корейцы в диалоге

народов и культур Дона», посвященная 20-летию Ассоциации корейцев Ростовской области.

В рамках конференции впервые прозвучал доклад об истории возникновения первых корейцев на Северном Кавказе в 1920–1930-е годы как трудового ресурса. В 1929 г. Совет Труда и Оборона СССР принимает решение об освоении плавней Северокавказского края (р. Кубань) для организации новой отрасли сельского хозяйства – рисоводство. По причине отсутствия специалистов среди европейского населения в разведении данной культуры Всесоюзный переселенческий комитет СССР принял решение переселять корейские сельхозартели. В начале 1930-х годов в Северокавказском регионе, в частности в Азово-Черноморском (Краснодарский) и Орджоникидзевском (Ставропольский) краях, Чечено-Ингушской и Дагестанской АССР появились колхозы по производству риса, где главными специалистами были корейцы-переселенцы с Дальнего Востока.

5–6 апреля 2012 г. в Российском государственном архиве социально-политической истории прошла Вторая Международная конференция молодых ученых и специалистов РГАСПИ «Исторические документы и актуальные проблемы археографии, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени «Клио 2012». Конференция была приурочена Году российской истории – 2012 и 200-летию Отечественной войны 1812 г. В течение двух дней 54 молодых ученых и специалиста 25 университетов из шести стран – Белоруссии, Казахстана, Италии, Венгрии, Великобритании, России принимали активное участие в обсуждении проблемных вопросов отечественной истории, включая и историю российских корейцев.

Конференция молодых ученых еще раз показала, насколько важна объективная интерпретация исторических фактов в построении современного российского общества. Интерес к советской истории 1920–1930 гг. не ослабевает, в представленных докладах освещался широкий спектр вопросов по исследуемой теме. В частности, в докладе об Интернациональном клубе

им. В.М. Загорского¹⁵⁰, организованный в 1927 г. сразу после роспуска «Союза корейцев» в конце 1926 г. Этот клуб представлял собой многонациональную общественную организацию, где большую организационную работу проводила корейская секция. Интернациональный клуб политэмигрантов им. В.М. Загорского являлся первым институтом гражданского общества, чья деятельность была направлена на гармонизацию межэтнических отношений, воспитание культуры межэтнического общения, формирование национального самосознания. К сожалению, режим сталинской диктатуры негативно сказался на деятельности Интерклуба. Поиски «врагов народа» начались в первую очередь в этой общественной организации, и к 1937 г. Интерклуб прекратил свое существование.

Проблема национальных меньшинств, включая и советских (российских) корейцев, постоянно находилась в центре внимания зарубежной историографии. Так, в середине 1950-х годов появляются первые работы, в которых лишь упоминаются некоторые отдельные сведения о российских корейцах. Примером может служить книга западногерманского политолога (советолога) В. Коларза¹⁵¹. Автор, освещая проблемы депортации в целом, касается вопросов иммиграции корейцев на российском Дальнем Востоке, их хозяйственной и культурной адаптации, производственной деятельности, развития сети национальных школ, корейской печати и литературы. В этой книге содержатся спорные, подлежащие уточнению и корректировке, данные. Так, например, вызывают сомнение данные о численности советских корейцев в 1920-х гг., которая оценивалась им в 300 000 человек.

В. Коларза можно назвать одним из первых исследователей, кто обратился к теме насильственного переселения корейцев, достоверно описал

¹⁵⁰ Сон Ж.Г. Интернациональный клуб им. В.М. Загорского (1920–1930) / Исторические документы и актуальные проблемы археографии, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник тезисов докладов участников Второй международной конференции молодых ученых и специалистов. М., 2012.

¹⁵¹ Kolarz W. The People of the Soviet Far East. N.Y.: Fredrick A. Praeger, 1954.

внешнюю и внутреннюю политическую ситуацию, сложившуюся накануне их депортации в Дальневосточном регионе.

В 1960-х гг. зарубежными исследователями были подготовлены ряд специальных статей и монографий, посвященных изучению прошлого и настоящего советских корейцев. Автором одной из первых статей является Дж. Стефан, профессор истории Гавайского университета, директор Центра по изучению Советского Союза (Дальневосточного и Среднеазиатского регионов). Автор обобщил имеющиеся сведения о советских корейцах, определил ряд проблем и вопросов, подлежащих дальнейшему исследованию, тем самым привлек к этой теме внимание широкого круга западных исследователей.

Работа построена по хронологическому принципу: корейцы в России до 1917 г.; советизация корейцев (1917–1937); депортация в Среднюю Азию, 1937; советские корейцы во время войны и послевоенные годы (1941–1957) в Северной Корее и на Сахалине; советские корейцы в условиях 1960-х годов. Для нашего исследования наиболее интересной представляется та часть статьи, в которой отмечается численность, политический статус корейцев на Сахалине, а также роль советских корейцев в послевоенном государственно-политическом устройстве Северной Кореи.

Известный исследователь политической системы социалистических стран Дж. Гинсбургс¹⁵². Ему принадлежат такие монографии как «Советские законы о гражданстве», «Советская литература о Корее» (1945 – 1970). В середине 1970-х гг. он опубликовал несколько статей о правовом статусе корейцев в России и СССР. Привлекает внимание статья «Статус гражданства корейцев в дореволюционной России и в первые годы советской власти», раскрывающая некоторые аспекты создания правовой основы для решения проблем корейской этнической общности.

¹⁵² *Ginsburgs G.* The Citizenship Status of Koreans in the Prerevolutionary Russia and the Early Years of the Soviet Regime // *Korea and World affairs.* 1975. Vol. V. № 2; *Ginsburgs G., Ginsburgs H.* A Statistical Profile of the Korean Community in the Soviet Union // *Asian Survey.* 1997. Vol. XVII. № 10.

В 1980-х гг. наибольшую активность в изучении прошлого и настоящего положения российских корейцев проявляют ученые, проживающие в западных странах, выходцы из Республики Кореи. В их числе Шин Юнча¹⁵³, Ко Сонму, Но Енгдон, Н. Адами, Ли Гвангю и Тен Генсу.

Из зарубежной историографии особого внимания заслуживает монография профессора Хельсинского университета Ко Сонму¹⁵⁴, в которой рассмотрен довольно широкий спектр проблем: история появления корейцев в России, их насильственного переселения в Казахстан и Среднюю Азию; современная этнокультурная жизнь *корё сарам*; рисоводство в корейских колхозах и совхозах; язык и речь советских корейцев; корейский театр и литература. Весьма ценную часть исследования составляют приложения: географические карты СССР, фотографии, указатель географических наименований и обстоятельный именной указатель. Монография Ко Сонму получила довольно положительную оценку научной общественности.

В Хельсинки в центре «NAJAKS» (Северная ассоциация японских и корейских исследований) каждые два года проводятся научные конференции, посвященные проблемам взаимоотношений между Японией и Кореей. Учеными рассматриваются вопросы по преодолению исторически сложившихся, неразрешимых проблем между этими государствами. По нашему мнению, с 1888 (Договор о сухопутной торговле) до 1953 г. (Корейская война) немаловажную роль в этих отношениях играли соседствующие страны: Россия и Китай. Комплексное рассмотрение внешнеполитических отношений между соседствующими странами способно дать достоверную картину истории Кореи. Более того, корейцы, в силу экономической отсталости феодальной Кореи, агрессивной политики и аннексии Кореи Японией были вынуждены мигрировать в соседние страны.

¹⁵³ *Shin Youn – Cha. Soviet Koreans and their Culture in the USSR // Koreans in the Soviet Union / Ed.: Dae-Sook Suh. Honolulu: University of Hawaii, 1987.*

¹⁵⁴ *Ко Сонму. Корейцы СССР: Корё Сарам. Сеул, 1989; Kho Songmoo. Koreans in Soviet Central Asia / Helsinki, 1987.*

Тем самым создавались условия для продолжения своей истории мигрантов в этих государствах. История корейцев в России имеет свою особенность, и их судьба кардинально отличается от судеб корейцев в Китае, Японии и США. Об этом докладывалось на 8-ой научной конференции в центре «NAJAKS» под названием «Наведение мостов между Японией и Кореей» (The 8th NAJAKS Conference: Bridging Japan and Korea. August 19 -21, 2010, Helsinki, Finland), которая проходила 19–21 августа 2010 г.

В 1987 г. Центр корееведения Гавайского университета издал 12-ый том своих исследований под общим названием «Корейцы в Советском Союзе». Одним из авторов этой книги является Хара Таруки¹⁵⁵. Он опубликовал в сборнике статью «Корейское движение в русской Приморской области 1905–1929 гг.» (Книга о корейцах в революционном движении в Сибири).

Вада Харуки, профессору Токийского университета, автору 2-х томного исследования по истории России, принадлежит статья «Корейцы на советском Дальнем Востоке, 1917–1937»¹⁵⁶. Поскольку японские ученые не имели возможности познакомиться с документами о жизни российских корейцев в 1930-е гг., им не удалось воссоздать полную картину событий, связанных с депортацией корейцев, их расселением, интеграцией в новые регионы.

Правовой статус корейцев в Союзе ССР, изменения в связи с крушением союзного государства, образование независимых государств, новые внешнеполитические реалии, расширение связей с Республикой Корея и роль в этих процессах корейской составляющей, привлекает к себе внимание юристов-международников. Работа Но Ендона посвящена вопросам «правовой защищенности корейского меньшинства в Советском Союзе». Автор полагает, что в соответствии с южно-корейским

¹⁵⁵ *Хара Таруки*. Корейское движение на российском Приморье // Столетняя история советских корейцев. Сеул, 1989.

¹⁵⁶ *Haruki Wada*. Koreans in the Soviet Far East 1917–1937 / Koreans in the Soviet Union. Honolulu: University of Hawaii, 1986. (*Харуки Вада*. Корейцы на советском Дальнем Востоке. 1917–1937 / В сб. Корейцы Советского Союза. Гонолулу. Университет Гавайи, 1986.

законодательством о гражданстве, *корё сарам (российские корейцы)* должны пользоваться правовой защищенностью Сеула, по его утверждению, теоретически могут рассчитывать на возможные репатриации.

Пан Бённюль (университет иностранных языков, Республика Корея, Сеул) занимается исследованием антияпонского движения на территории России, выявлением участников Первомартовского движения, патриотов и просветителей. В своей работе «Слободка Синханчхон и корейская община в России»¹⁵⁷ Пан Бённюль раскрывает роль и значение первого корейского поселения в окрестностях Владивостока. Автор подробно в хронологическом порядке описывает корейскую общину этой слободки, процесс изменения ее состава, их общественно-политические мировоззрения, религиозные и культурные направления.

Главной причиной активной ассимиляции корейцев в российское общество, Пан Бённюль считает, военно-полицейский режим, репрессивные акции против корейского народа, как на территории Кореи, так и на российском Дальнем Востоке в период интервенции в 1920-х гг. со стороны японских властей.

Усиление японской агрессии в Корее вынуждало корейцев переселяться на российскую территорию и Маньчжурию. Совпадает точка зрения автора и российских историков в том, что в те трагические дни центрами общественно-политической жизни корейской общины были Иркутск, Чита, Благовещенск, Хабаровск, а также в сельских районах, как Сучан, где места проживания корейцев становились плацдармом мощного партизанского движения в борьбе за независимость своей родины¹⁵⁸.

Пак Хван (университет Сувон, Республика Корея) в своей монографии «История национального движения корейцев России»¹⁵⁹ на основе довольно обширного массива российских источников на корейском и русском языках

¹⁵⁷ Пан Бённюль. Слободка Синханчхон и корейская община в России / 1937 год. Российские корейцы: Приморье – Центральная Азия – Сталинград (Депортация). М., 2004.

¹⁵⁸ Там же. С. 53–91.

¹⁵⁹ Пак Хван. История национального движения корейцев России. Сеул, 1995. (1-ое издание); 1997. (2-ое издание).

исследует вопросы, связанные с созданием и деятельностью корейских национальных обществ, организаций на Дальнем Востоке национально-освободительного и партизанского движений против белой армии и японских интервентов. В книге приводятся как известные, так и выявленные автором новые материалы об одном из лидеров революционной борьбы на Дальнем Востоке Александре Ким-Станкевич¹⁶⁰. Работа отличается своей новизной, так как в ней впервые использованы материалы корейских газет «Хэчон синмун», «Тэдонг конгбо» и «Квонъэб синмун» издававшихся на Дальнем Востоке, а также архивные документы о деятельности таких корейских обществ как «Квонъёбхве» и др.

Первый опыт коллективного труда ученых из СНГ и Республики Корея представлен монографией П.Г. Кима (Узбекистан) и Бан Санхена (Республика Корея) «История переселения советских корейцев»¹⁶¹.

В последние годы интерес к истории российских корейцев со стороны зарубежных ученых, в том числе из Республики Корея не ослабевает. Среди них можно отметить Квон Чжунанг¹⁶², Ю Чжиён¹⁶³, Пан Ильквон¹⁶⁴, Ли Хесын¹⁶⁵, Ким Чжонхён, Чжан Уквон, Ким Хонгиль¹⁶⁶, Ким Хёнён¹⁶⁷. Основными вопросами их исследований являются взаимоотношения органов власти и российских корейцев после депортации, участие корейцев в развитии экономического сектора и сферы культуры в Союзе ССР, состояние

¹⁶⁰ В 2008 г. из серии «Российские корейцы» в Москве Б.Д. Паком опубликована книга о видной революционерке-интернационалистке, члене бюро Хабаровского комитета организации большевиков и народном комиссаре по иностранным делам Александре Ким-Станкевич, расстрелянной белогвардейцами в 1918 г.

¹⁶¹ Ким П.Г., Бан Санхен. История переселения советских корейцев. Сеул, 1994.

¹⁶² Kwon Joou Young. Structure and Operation of Koryoin kolkhoz in Central Asia. Seoul, 2006.

¹⁶³ Ю Чжиён. Образование корейского сообщества в Центральной Азии. 1938–1953. (중앙아시아 고려인 사회 연구, 1938–1953<레닌기치>의 기사를 중심으로. 유 지 윤). Сеул, 2006.

¹⁶⁴ Пан Ильквон. Корейцы Средней Азии – общество и образование. 1938–1953. (중앙아시아 한인 사회와 교육 1930–40 년대. 방 일 권). Сеул, 2006.

¹⁶⁵ Ли Хесын. 1930–1980 гг.: советские корейцы в прессе, культуре, образовании. (1930 년대 중반–1980 년대 중반 중아시아 고려인의 언언문, 공업, 문화. 이혜승). Сеул, 2005.

¹⁶⁶ Ким Чжонхён, Чжан Уквон, Ким Хонгиль. Что способствовало сохранению корейского языка у российских корейцев. (러시아에서의 고려인이 생산한 한글정보자원에 관한 연구. 김정현, 장우권, 김홍길). Сеул, 2005.

¹⁶⁷ Ким Хёнён. История соотечественников за рубежом: тяготы и испытания. (재외동포사회의 역사적 고찰과 연구방법론 모색. 김 현 영). Сеул, 2005.

самосознания и национального сознания, формирующегося под влиянием внешних факторов, вопросы национального образования, и особенно обучения корейскому языку.

Продолжают свои научные изыскания историки Республики Корея. Так, Сим Хонёнг в своей статье «История переселения корейцев в Россию. Современное осмысление» и Кан Вонсик в работе «Противостояние российских корейцев Японии и Сталину»¹⁶⁸ представили обобщенное изложение общеполитической ситуации того времени. Ученые сделали вывод о том, что этнополитическая ситуация в России в 1930-е гг. была сложной, корейцы с большим трудом пытались отстоять свою национальную идентичность, а народы в Советской России использовались с единой целью – реализации замыслов правителей страны. Авторы также отмечают, что в судьбе российских корейцев большую роль сыграли сложные отношения России с империалистической Японией.

Ученые Республики Корея с интересом изучают и культуру российских корейцев. Это закономерно, в процессе слияния двух культур: русской и корейской, происходили изменения не только в их самосознании, шла трансформация национального сознания. В 2007 г. в Республике Корея вышла в свет книга Ким Бохи «Музыкальная деятельность районных корейских Домов культуры в Советском Союзе»¹⁶⁹ (1923–1990). Материал был собран исследовательницей на территории российского Дальнего Востока, в Казахстане, Узбекистане и многих других регионах, где компактно проживают российские корейцы. Огромный пласт по изысканию материала поднят из информационной прессы, издававшейся на корейском языке: на Дальнем Востоке – Сонбон, в Казахстане – Ленин Кичи. Были исследованы более шестисот корейских песен и стихотворений. Количество и разнообразие по содержанию песен заставляет удивляться и российских

¹⁶⁸ Корейско-российские взаимоотношения. (한국과 러시아관계. 평가와 전망). Сеул, 2005. С. 53–83.

¹⁶⁹ Ким Бохи. Музыкальная деятельность районных корейских Домов культуры в Советском Союзе. (소비에트 시대 고려인 소인예술단의 음악 활동. 김 보 희). Сеул, 2007.

корейцев, знакомых с корейской музыкальной культурой только через устное творчество.

Анализ корейских национальных песен российских корейцев позволил Ким Бохи сделать следующие выводы. В процессе ассимиляции корейского населения среди русской культуры, советизации края изменились мелодия и ритмика песен. В российских корейских песнях присутствуют и русские, и корейские мелодии, именно в музыке, пишет автор, ярко проявилось соединение двух культур. Распространение корейской культуры в СССР, позволило выйти на новый уровень путем совмещения двух музыкальных культур. По мнению автора, советскими корейцами было создано на порядок больше песен, чем на исторической родине в Корее за тот же период. Под давлением советского строя корейская культура открыла для себя новые горизонты.

Диссертация корейского исследователя Юн Санвона на тему: «Исследование партизанской борьбы корейцев против японцев на территории России (1918–1920)»¹⁷⁰ показывает, что интерес корейских историков к российской истории, истории российских корейцев не ослабевает. Впервые в исторической науке Республики Корея отмечается роль и значение российских корейцев в антияпонской борьбе на территории России и Кореи. Автор опирается главным образом на исследования российских и советских ученых и материалы российских архивов. Подробно исследуется деятельность партизанских отрядов во главе с такими известными героями национальной освободительной борьбы против японцев как Хон Бомдо, Ким Гюмён, Ким Хониль, Пак Ен и др. Значимость работы Юн Санвона заключается в том, что автор стремился показать, какой вклад внесли корейские партизанские отряды для обоих государств, России и Кореи.

¹⁷⁰ Юн Санвон. Исследование партизанской борьбы корейцев против японцев на территории России. (1918–1922). (러시아지역 한인의 항일무장투쟁 연구(1918–1922). *윤 상 원*). Сеул, 2009.

Республикой Корея активно проводятся международные научные конференции, посвященные изучению проблем совместного проживания, взаимовлияния народов, поиску путей дальнейшего этнокультурного развития корейцев в России, взаимодействию российских корейцев с обеими Кореями¹⁷¹.

Так, 23 сентября 2011 г. в университете Корё (Сеул) прошла конференция на тему: «Корейское национально-освободительное движение за рубежом». Впервые, в новейшей истории Кореи организаторами конференции была поставлена задача, показать взаимосвязь корейского освободительного движения за независимость Кореи в странах, непосредственно принимавших участие в судьбе колониальной Кореи – СССР, Япония, Китай, США с национально-освободительным движением в Корею. Отрадно, что историки Кореи пытаются осмыслить и объединить историю освободительного движения за рубежом, придти к комплексному пониманию основных вопросов новейшей истории Кореи (в то время единой). Ученые из этих стран в параллели с корейскими исследователями в своих выступлениях впервые показали взаимовлияние, единство целей и задач борцов за независимость своей родины за рубежом.

Необходимо отметить, интерес зарубежных ученых к российской истории советского периода не ослабевает. Все еще имеют место недоверие и неосведомленность о бывшем Советском Союзе. До недавнего времени историки Республики Корея с трудом воспринимали исторические факты присутствия главных сил корейского национально-освободительного движения на советском Дальнем Востоке, пытались расчленить его на разные течения и показать корейское коммунистическое движение в самом неприглядном его виде. В этом контексте данная конференция явилась

¹⁷¹ Материалы Международной научно-практической конференции по изучению проблем совместного проживания и взаимовлияния народов в Приморье. Владивосток, 2004; Материалы конференция ученых Северо-Восточной Азии «Корейский полуостров и корейцы СНГ». М., 2005; Сборник материалов международной научной конференции, посвященной 70-летию депортации корейцев с Дальнего Востока в Среднюю Азию и Казахстан «Корейцы в России, радикальная трансформация и пути дальнейшего развития». М., 2007 и др.

огромным прорывом в области интеграции и всеобъемлющего понимания истории Кореи, как части мировой истории. Ученых с исторической родины интересует не только национально-освободительное движение за рубежом, но и адаптация, и ассимиляция соотечественников, оставшихся на чужбине.

Таким образом, на богатом архивном материале раскрыты многие неизвестные стороны истории корейского меньшинства Союза ССР в 1920–1940-е гг., показаны притеснения со стороны властей по отношению к корейцам, выявлены возможности для социальной натурализации и этнической мобильности граждан корейской национальности в системе межэтнических отношений в России.

Вне этих исследований остается важная общественная проблема, связанная с политическими репрессиями, без изучения которой вряд ли возможно глубокое познание процессов и особенностей строительства государства, осуществления национальной политики, выявление отклонений и искажений в ее осуществлении, определения особенностей выстраивания отношений по вектору «народы и власть».

Для объективного изучения истории советских (российских) корейцев необходимо раскрыть на конкретном историческом материале процесс политических репрессий применительно к корейскому меньшинству на территории Союза ССР, в частности, на примере Дальнего Востока в 1920–1930-х гг., выявить причинно-следственные связи в этом процессе, определить его диалектическую преемственность для современности.

Границы исследования определяются его целью и основными задачами. Территориальные рамки исследования охватывают Дальневосточный край¹⁷², Приморскую, Хабаровскую, Амурскую, Зейскую,

¹⁷² 20 октября 1932 г. решением ВЦИК и Совета народных комиссаров РСФСР в ДВК было введено новое территориальное деление и районирование. Были образованы Амурская (административный центр – г. Благовещенск), Приморская (административный центр – г. Владивосток), Сахалинская (административный центр – г. Александровск) и Камчатская области (административный центр – г. Петропавловск-Камчатский) и Нижне-Амурский округ (административный центр – г. Нижне-Амурск). В отдельный район был выделен г. Хабаровск, были созданы отдельные Нижне-Тамбовский и Биробиджанский районы. 7 мая 1934 г. образована Еврейская автономная область (административный центр – г. Биробиджан). 22 июля 1934 г. Постановлением Президиума ВЦИК были дополнительно образованы Уссурийская область (из состава Приморской области, административный центр – г. Никольск-

Камчатскую, Нижне-Амурскую, Сахалинскую, Уссурийскую области и Еврейскую автономную область, на территории которых в предвоенный период компактно проживало корейское население. Наряду с этим фрагментарно освещены события, связанные и с другими регионами страны, в частности, Москвой – центром общественно-политической жизни и Азово-Черноморским краем, куда корейцы-переселенцы были определены на проживание в 1933 г., где был организован рисовый колхоз.

Значение документальной основы для успешного исследования проблемы политических репрессий в корейской этнической общности нельзя переоценить. Принципиальную роль играют «первоначальные источники». Их изучение позволяет произвести реконструкцию исторического процесса с всесторонней объективностью.

К первой группе источников можно причислить документы государственных, центральных и региональных архивов Российской Федерации. Большое значение для изучения вопроса о роли и месте корейской общности в системе межэтнических отношений имеют документы и материалы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ).

– Постановления, протоколы, письма Президиума Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) содержащие сведения об общей обстановке о положении национальных меньшинств;

– Постановление Совета Народных Комиссаров (СНК) об отпуске Наркомату по делам национальностей ссуды для содействия корейцам в разведении рисовых плантаций на Дальнем Востоке;

– Протокол № 368 Заседания Совета труда и обороны (СТО) СССР (б-а) «О переселении корейцев», Постановление СНК от 20 марта 1923 г.;

– Протокол № 375 заседания СТО СССР «О рабочей силе для золотопромышленности ДВК (о ввозе китайцев и корейцев);

Уссурийск (Ворошилов), Зейская область (из состава Амурской области, административный центр – город Рухлово), Хабаровская область (административный центр – город Хабаровск) и Нижнеамурская область (административный центр – город Нижне-Амурск). 26 сентября 1937 г. Зейская область вошла в состав Читинской области. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.heraldicum.ru/russia/sovets/ussr_obl.htm
Дата: 04.06.2009.

– Протокол совещания при нацсекторе Агитпропа ЦК ВКП(б) о работе среди китайского и корейского населения на золотых приисках;

– Стенограмма выступления председателя Дальневосточного краевого исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся Г.М. Крутова на УІ съезде Советов СССР об успехах в коллективизации корейских бедняцко-средняцких хозяйств, из выступления С.М. Диманштейна на 3-ей сессии ЦИК Союза ССР 6-го созыва о положении национальных меньшинств в Маньчжурии и на Дальнем Востоке;

– Выписка из протокола заседания СНК СССР о ликвидации Союза корейцев;

– Постановление СТО СССР о разрешении китайцам и корейцам въезда в Алданский район.

В этом ряду письма, заявления, отчеты уполномоченных по делам национальных меньшинств при Президиуме Дальневосточного крайисполкома о работе среди корейского населения, переписка ВЦИК с СНК РСФСР, Далькрайисполкомом и Дальсельбанком об отпуске ссуды на землеустройство расселенцев-корейцев, «О ликвидации неграмотности на ДВК по губерниям», переписка ЦИК СССР, ВЦИК, Верховного суда РСФСР, Наркомземом РСФСР и артельно-корейских крестьян «Чексинкондеса» о неправильном распределении мелиоративных работ в районе расположения артели (дер. В. Морозовка, Ханкайского района), информация об урегулировании вопроса дальнейшего переселения и устройства иммигрантов-корейцев в Уссурийском районе ДВК (секретное приложение к протоколу заседания Президиума ВЦИК от 6 декабря 1926 г. № 83 п. 15), письмо Президиума ВЦИК в Наркомздрав РСФСР об усилении работы по охране здоровья корейского населения ДВК содержат сведения об участии корейцев в национально-государственном строительстве, которые важны не только в познавательном плане, но и для выяснения хронологических рамок событий, роли структур партийной и государственной власти.

Для исследования проблемы приобретают особую ценность документы, хранящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Стенограммы заседаний краевых партконференций и пленумов, протоколы заседаний секретариатов и бюро крайкомов Дальневосточного, Азово-Черноморского края, Уссурийского, Амурского, Зейского (с 1934–1937 гг. Зейская область), Сахалинского, Хабаровского, Читинского, Нижнеамурского, Камчатского обкомов, обкома Еврейской АО. Эти документы говорят о работе инстанций, которые проводили партийные чистки с последующим исключением из партии коммунистов. Большинство из них – жертвы политических репрессий 1930-х гг. Кроме этого, по ним можно судить об общей этнополитической ситуации, развитии экономического, национально-государственного строительства на советском Дальнем Востоке, о жесткой административно-командной системе советского тоталитарного строя.

В архиве хранятся личные дела корейцев-коммунистов Корейской Коммунистической партии. После ее роспуска в 1928 г. ее членам приходилось обращаться в Комиссию ЦК ВКП(б) по переводам членов братских партий. Для исследования процесса политических репрессий эти дела будут рассмотрены в главе 3.

В Российском государственном военном архиве (РГВА) хранятся следующие дела Отдельной Краснознаменной Дальневосточной Армии (ОКДВА): приказы наркома обороны СССР, директивы начальников Политуправления Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА), довольно регулярные обобщенные докладные записки руководителей военного ведомства по различным вопросам военного строительства (в том числе и сводки «об отрицательных явлениях» в РККА) в адрес секретарей ЦК ВКП(б), председателя Совнаркома СССР, наркома внутренних дел СССР. Здесь же хранятся стенограммы заседаний Военного совета при Народном комиссариате обороны (НКО) СССР и Главного военного совета РККА, различного рода всеармейских совещаний, военных советов военных округов,

на которых подводились промежуточные итоги процесса выявления и истребления участников «военно-фашистского заговора», а также многочисленные справки, докладные записки, материалы Управления по командно-начальствующему составу РККА о ходе и результатах политической чистки в армии, переписка наркома обороны и начальника Политуправления РККА с особым отделом Главного управления государственной безопасности (ОО ГУГБ) НКВД, переписка командующих военных округов с представителями особых отделов НКВД, Информационная сводка по судебным делам о японском шпионаже.

В обширном фактическом материале выявлены советские корейцы, служившие в рядах ОКДВА, в частности, Забайкальской группе ОКДВА, Амурской Краснознаменной флотилии, Сибирском военном округе и Тихоокеанской военной флотилии (ТОФ). Здесь представлены документы о переселении корейцев, содержащие полный список комначсостава корейцев по состоянию на август 1937 г., количественные характеристики корейцев-красноармейцев, проходивших службу в Красной Армии призыва 1935 – 1937 годов.

В Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) хранятся:

– документы Всесоюзного переселенческого комитета (ВПК) при Совнаркомe СССР, ВПК при ЦИК СССР; материалы к генеральному 15-летнему перспективному плану переселения по Узбекской ССР (протоколы, доклады, таблицы, предварительные итоги Всесоюзной переписи населения по Узбекской ССР);

– Перспективный план 1928–1933 гг. по переселению и землеустройству в районах Северного Кавказа;

– формуляры бюджетного обследования крестьянских хозяйств в районе г. Алма-Аты, произведенного экспедицией ВПК СССР по выявлению земельных фондов Казахской ССР;

– материалы экспедиции ВПК СССР по обследованию земельных фондов Казахской ССР (протоколы, доклады, научные обзоры);

– Пятилетний перспективный план переселенческих мероприятий на 1928 – 1933 гг.; отчеты краевых и областных переселенческих управлений и переселенческих пунктов о движении переселенцев и обслуживании их в пути следования;

– обзоры Всесоюзного переселенческого комитета по народно-хозяйственной эффективности переселенческих колхозов в разных районах СССР;

– материалы об упразднении ВПК при СНК и об образовании Переселенческого отдела НКВД СССР (акты, справки, списки и др.).

Большое значение имеют сведения архивных фондов ГУ «Центр документации» новейшей истории Краснодарского края: материалы Крайкома ВКП(б), докладные записки, характеристики Крайкому и выписки из протоколов заседаний Бюро районных комитетов ВКП(б), протоколы 1-ой и 2-ой районных партконференций Азово-Черноморского края. В архиве Краснодарского края изучались документы: Управление строительства по мелиорации Приазовских и Прикубанских плавень «Плавстрой», протоколы секретариата Северокавказского крайкома ВКП(б) и бюро Адыгейского областного комитета ВКП(б) о передаче земли под рис Славянскому району, резолюции по докладу Плавстроя, Протокол заседания ЦРТМ Плавстрой о даче характеристик иностранным специалистам, запрос в штаб СКВО о получении разъяснений о порядке производства топографических и геодезических работ, постановления Президиума Крайкома ВКП(б), списки служащих – националов Управления Плавстроя.

К началу 1990-х гг. относятся и первые, тогда еще незначительные, публикации источников по проблеме российских корейцев¹⁷³. Эти документы были засекречены, хранились под грифом «секретно», и теперь стали

¹⁷³ Например: Депортация. Берия докладывает Сталину // Коммунист. 1991. № 3; Варварская акция // Отечество. Краеведческий альманах. М., 1992; Депортация корейцев в 1937 г. // Отечественная история. 1992. № 6; 20–40-е годы: последствия депортации народов // История СССР. 1992. № 1; 20–40-е годы: трагедия народов // Восток. 1992. № 2; 20 – 50-е годы; принудительное переселение народов // Обозреватель. 1993. № 11(5) и др.

достоянием общества. Известными стали и подробности трагических событий 1930-х гг. в жизни граждан корейской национальности в Союзе ССР.

По мере выявления новых документов, источниковедческая база темы пополнялась новыми материалами. От публикации отдельных подборок документов по этой проблеме (Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...»)¹⁷⁴ авторы постепенно переходили к публикации сборников документов и материалов: Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий; Реабилитация народов и граждан¹⁷⁵.

Большой резонанс в научных кругах вызвало появление в 1992 г. «Белой книги о депортации корейского населения России в 30–40-х гг.», авторами-составителями которой выступили российские историки Ли Ухё (Ли В.Ф.) и Ким Енун (Ким Е.Е)¹⁷⁶. В сборнике документов были обнародованы ранее строго засекреченные директивы, постановления, шифрограммы, донесения, отчеты, письма и другие уникальные документы по истории депортации советских корейцев.

Спустя пять лет, в 1997 г. была издана вторая книга под одноименным названием «Белая книга о депортации корейского населения России в 30 – 40-х гг.»¹⁷⁷, в которой на основе архивных документов и истории миграции корейцев, начиная с царской России, выявляются причины депортации корейцев (1937). Привлекает внимание следующий документ: «Сведения о количестве осужденных иностранных граждан (подданных) и лиц без гражданства, отбывающих наказание в тюрьмах, лагерях Главного управления исправительно-трудовых лагерей (ГУЛАГ), Управления

¹⁷⁴ Бугай Н.Ф. Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...» М., 1992.

¹⁷⁵ Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М., 1991; Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993; Реабилитация народов и граждан. М., 1994 и др.

¹⁷⁶ Белая книга о депортации корейского населения России в 30 – 40-х гг. Авторы-составители Ли Ухё, Ким Енун. Книга первая. М., 1992.

¹⁷⁷ Белая книга о депортации корейского населения России в 30–40-х гг. Авторы-составители Ли Ухё, Ким Енун. Книга вторая. М., 1997.

исправительно-трудовых лагерей и колоний (УИТЛК) МВД–УПВД», среди них 1158 корейцев и представителей других национальностей.

В 1993 г. в Южно-Сахалинске опубликовано научно-документальное исследование А. Кузина «Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы». В этой книге опубликован список депортированных осенью 1937 г. сахалинских корейцев, что в значительной мере позволило продвинуть изучение этой сложной темы.

В год 60-летия депортации корейцев (1997) в Москве была издана «Книга памяти», содержащая архивные списки депортированных российских корейцев в 1937 году¹⁷⁸. Южнокорейский исследователь Пак Чонхё и российский ученый О.А. Ли выявили важные исторические документы в различных фондах Государственного архива Приморского края. Публикацией предусматривался и чисто моральный аспект. Было воздано должное всем потерпевшим от преступной акции сталинского авторитарного режима, оставшиеся в живых и потомки погибших и умерших. Они смогли прочитать свои имена и имена своих родственников.

Все это позволяет выстроить логическую цепь событий во всей их полноте, дать всестороннюю оценку, показать взаимосвязь политики и практики в сфере межэтнических отношений в Союзе ССР, выявить принципы ее осуществления. Однако следует отметить, что принятие репрессивных мер способствовало в определенной степени консолидации народов.

Интерес к проблеме политических репрессий и принудительных переселений не иссяк и во второй половине 1990-х годов. Источниковая база заметно обогатилась новыми публикациями документов, раскрывающими ранее неизвестные факты, касающиеся изучаемой темы. Так, в материалах, опубликованных в серии «Народы и культура» содержатся новые сведения об использовании труда репрессированных корейцев путем создания рабочих

¹⁷⁸ Книга памяти. Архивные списки депортированных российских корейцев в 1937 г.. (Сост.: Пак Чонхё, Ли О.А.) Ч. 1. М., 1997.

колонн и батальонов, об их взаимодействии с представителями других этнических общностей в районах расселения, о появлении первой возможности по решению вопросов, связанных с обеспечением условий проживания корейцев¹⁷⁹.

Среди документов в особую группу следовало бы выделить документы, связанные с реабилитацией граждан корейской национальности, которая начала проводиться с 1950-х гг., но не приобретала масштабного характера.

Привлекает своей новизной и вышедший в 1993 г. сборник документов под общим названием «Как это было»¹⁸⁰. О корейцах отмечается в первом томе. Составитель предпринял попытку с помощью документов, статистических данных, выявленных исторических фактов, личных воспоминаний, публицистических размышлений, произведений народного творчества, прозы, поэзии и драматургии воссоздать целостную картину репрессий в Союзе ССР. Приведенные материалы помогают читателю сформировать свое отношение к «наказанным» Сталиным народам.

Что касается непосредственно корейцев, то в сборнике помещены ценные воспоминания, которые также являются важнейшим источником для понимания не только предпринимаемых правительством мер, связанных с депортацией народов, но и дают представление о самой эпохе, в условиях которой приходилось жить названным этническим общностям, в частности, гражданам корейской национальности.

В 1997 г. к 60-летию депортации корейцев России в Москве была опубликована книга «Дорогой горьких испытаний». Впервые на основе личных воспоминаний, документов и фактов была воссоздана картина осени 1937 г., на фоне которой разворачивалась депортация российских корейцев с Дальнего Востока в Казахстан и Среднюю Азию. Уже одни названия эссе говорят об их содержании: «Этого мне никогда не забыть», «Страшный был

¹⁷⁹ См.: Материалы к серии «Народы и культура». Вып. XII. Депортация народов СССР (1930–1950-е годы). М., 1997; Книга памяти. Архивные списки депортированных российских корейцев в 1937 г. М., 1997 и др.

¹⁸⁰ Так это было / Сост. С.У. Алиева. В 3 кн. М., 1993.

год», «Конечный маршрут – Северный Казахстан», «Воспоминания спецпереселенца» и др. В первом разделе книги опубликованы научные статьи ученых М.Н. Пака, С.Г. Нам и М.Н. Хана, посвященные жизни корейцев на Дальнем Востоке. В них выявлены также причины, повлекшие за собой депортацию¹⁸¹.

В Казахстане в специальном выпуске общественно-политического журнала «Нива», № 2 (1997) опубликован исторический очерк И. Куренькова «Из плена лет и лживых наветов», подготовленный на основе архивных документов и воспоминаний депортированных корейцев в Акмолинский район Карагандинской области (с 1939 г.– Акмолинской). Заключительная часть очерка озаглавлена «Свидетельства очевидцев» и состоит из кратких воспоминаний 14 корейцев, переживших депортацию. Эти воспоминания свидетельствуют о депортации корейцев из села Благословенное на Дальнем Востоке в Астраханский округ Сталинградской области, о временном поселении в г. Астрахани и близлежащих рыбацких поселках. В декабре 1941 г. все корейцы были депортированы вторично, но уже в Казахстан¹⁸².

Определенную ценность для исследования темы представляют также воспоминания жертв и очевидцев политических репрессий 1937–1938 гг. в книгах: «Потомки Страны белых аистов»¹⁸³, «Из Уссурийского таежного села и Владивостока через Казахстан, Украину, Западную Сибирь в Москву»¹⁸⁴, «Корейцы Каракалпакстана: сотворение судьбы. Уроки доброты и братства»¹⁸⁵, «Эшелон 58»¹⁸⁶, «Омут памяти»¹⁸⁷, «Жизнь и судьба репрессированных корейцев и их потомков»¹⁸⁸ и др.

¹⁸¹ Дорогой горьких испытаний. К 60-летию депортации корейцев России. М., 1997.

¹⁸² Куреньков И. Из плена лет и лживых наветов // Нива. 1997. № 2. С. 15–58.

¹⁸³ Пак Б.С. Потомки Страны белых аистов. (Крат. история советских корейцев). Ташкент, 1990.

¹⁸⁴ Цай Т.Н. Из Уссурийского таежного села и Владивостока через Казахстан, Украину, Западную Сибирь в Москву. М., 2005.

¹⁸⁵ Хван Л.Б. Корейцы Каракалпакстана: сотворение судьбы. Уроки доброты и братства. Нукус, 2007.

¹⁸⁶ Ким В.Д. «Эшелон 58». Ташкент, 1992.

¹⁸⁷ Яковлев А.Н. Омут памяти. М., 2000.

¹⁸⁸ Жизнь и судьба репрессированных корейцев в СССР и их потомков / Авт. и сост. Югай Г.А. Алматы, 2007.

Особо ценен сборник документов и материалов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока «Корейцы на российском Дальнем Востоке (вт. пол. XIX–нач. XX вв.). Документы и материалы»¹⁸⁹. Сборник знакомит читателя с политикой русской администрации по урегулированию процесса корейской иммиграции в Приамурский край, мерами, которые предпринимались на различных этапах. Эти меры были направлены на ограничение нелегальной эмиграции, против участия корейских граждан в национально-освободительной борьбе. В 2004 г. был издан второй сборник, продолживший хронологически предыдущий – «Корейцы на Российском Дальнем Востоке (1917–1923)»¹⁹⁰. Документы знакомят с борьбой корейского народа за независимость Кореи, раскрывают сущность перестройки всей системы управления советского государства, формирование первичной оценки событий революционного периода и роли в них корейского населения.

В 2004 г. Институтом востоковедения РАН была издана книга «Корейцы в СССР. Материалы советской печати 1918–1937 гг.»¹⁹¹. В ней приведены свидетельства участия корейцев в социально-экономическом, культурном строительстве в районах Дальнего Востока после установления советской власти. В книге раскрыты и другие аспекты жизни корейцев в Союзе ССР.

В серии «Российские корейцы» опубликован сборник документов «Корейцы в Союзе ССР – России: XX-й век. (История в документах)», посвященный 140-летию добровольного переселения корейцев в Россию¹⁹². В книге-хронике впервые комплексно опубликованы документы о жизни и деятельности в Союзе ССР (России) корейцев в XX в. Большой комплекс документов посвящен принудительному переселению корейцев с Дальнего

¹⁸⁹ Корейцы на российском Дальнем Востоке (вт. пол. XIX–нач. XX вв.). Документы и материалы / Сост.: Н.А. Троицкая, К.Б. Абрамова, И.Е. Каргинова, О.В. Усталова, Н.М. Черепанова. Владивосток, 2001.

¹⁹⁰ Корейцы на российском Дальнем Востоке (1917–1923 гг.). /Сост.: Н.А. Троицкая, К.Б. Абрамова, Е.М. Гончарова, Е.Д. Яворская. Владивосток, 2004.

¹⁹¹ Корейцы в СССР. Материалы советской печати 1918–1937 гг. / Сост. Б.Д. Пак. М., 2004.

¹⁹² Корейцы в Союзе ССР – России: XX-й век. (История в документах) / Сост. Н.Ф. Бугай. М., 2004.

Востока в районы Центральной Азии и Сталинградской области, а также последовавшей за ней в 1990-х гг. реабилитации корейской общности.

В этот период вышли следующие сборники: «Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922–декабрь 1936»¹⁹³, «Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938»¹⁹⁴. В сборники включены документы Политбюро ЦК ВКП(б), высших органов государственной власти и судебных учреждений. По своему типу это специальные сообщения, приказы, циркуляры, директивы, шифротелеграммы, информационные сводки и протоколы допросов. Большинство документов публикуется впервые, часть из них была рассекречена незадолго до выпусков сборников.

Содержание отдельных документов исключительно важно при оценке роли политического руководства страны и лично И.В. Сталина в организации и деятельности органов НКВД СССР в регионах, в частности – при проведении репрессий на Дальнем Востоке, в Сибирском военном округе, в Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии. В сборниках имеются сведения о корейцах, подвергшихся репрессиям.

Впервые в сборнике «Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922–декабрь 1936» опубликованы документы, дающие представление об основных направлениях деятельности карательных органов и личного участия Сталина в формировании и развитии методов их работы, начиная с 1922 до 1936 года.

¹⁹³ Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922–декабрь 1936 / Ред. А.Н. Яковлев Лубянка. М., 2003. С. 315, 429–435, 482–485, 533–541, 545, 546–547, 807, 818.

¹⁹⁴ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. / Ред. Яковлев А.Н. М., 2004. С. 368–373, 376, 440–454.

Углубленному исследованию процесса политических репрессий способствуют приведенные в сборниках документы РГАСПИ: постановление политбюро ЦК ВКП(б) от 16 июля 1932 г. «О Дальневосточном крае», Спецсообщение Н.И. Добродицкого об отрицательных явлениях в состоянии ОКДВА, направленное Г.Г. Ягодой И.В. Сталину (4 мая 1933 г.), Записка Г.Г. Ягоды И.В. Сталину о тексте для печати, присланной из ДВК (8 августа 1933 г.), о задержании русских белогвардейцев¹⁹⁵, постановления политбюро ЦК ВКП(б) (от 8 апреля 1937 г. – «Об Особом совещании при Народном Комиссариате Внутренних Дел СССР», от 8 мая 1937 г. – «О начальнике УНКВД Дальневосточного края», от 1 декабря 1938 г. – «О порядке согласования арестов») и другие постановления, речь И.В. Сталина на расширенном заседании военного совета, шифротелеграмма И.В. Сталина И.М. Варейкису о санкционировании ЦК ВКП(б) приказов Н.И. Ежова об арестах в ДВК¹⁹⁶.

Документы, необходимые для изучения проблемы, содержатся в сборнике из той же серии: «Документы. Россия XX век» «Сталинские депортации. 1928–1953». Что касается депортации корейского населения, то большинство документов были уже ранее опубликованы В.Ф. Ли¹⁹⁷ и Н.Ф. Бугаев¹⁹⁸. Исключительную ценность представляют фонды высших органов власти СССР – ЦИК СССР, СНК – СМ СССР (Фонд Р-5446), Генпрокуратуры СССР, ГУЛАГа, Секретариата НКВД – МВД СССР, Отдела спецпереселений НКВД – МВД СССР.

Уточнить некоторые биографические данные и послужные списки руководящих работников НКВД СССР (в том числе и регионального уровня) позволило содержание справочника «Кто руководил НКВД. 1934–1941»¹⁹⁹.

¹⁹⁵ Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922–декабрь 1936 / Ред. Яковлев А.Н. М., 2003.

¹⁹⁶ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938 / Ред. Яковлева А.Н. М., 2004.

¹⁹⁷ Белая книга о депортации корейского населения России в 30–40-х гг. / Авт.-сост.: Ли Ухё, Ким Енун. Кн. 1, 2. М., 1992.

¹⁹⁸ Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...» / Сост. Бугай Н.Ф. М., 1992.

¹⁹⁹ Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. 1934–1941. Справочник. М., 1999.

В первом томе сборника документов «История сталинского Гулага. Конец 1920-х–первая половина 1950-х гг.»²⁰⁰ содержатся документы НКВД СССР, руководящих партийных и государственных органов о планировании, проведении и результатах всех основных репрессивных актов сталинского периода. Материалы 4-го раздела сборника – «Большой террор», которые содержат архивные сведения АП РФ, ЦА ФСБ РФ, РГАНИ, ГАРФ, позволили более объективно оценить роль региональных органов партийной власти (Новосибирского, Иркутского, Читинского обкомов, Красноярского и Дальневосточного крайкомов) в процессе репрессий, а также всесторонне проанализировать деятельность руководителей НКВД СССР (Н.И. Ежов, М.П. Фриновский), функционеров Управлений НКВД СССР по Сибири и Дальнему Востоку в расширении репрессий.

В 2007 г. вышел в свет сборник документов в двух томах «Москва – Токио: политика и дипломатия Кремля. 1921–1931»²⁰¹. Документы из Архива Президента Российской Федерации отражают историю советско-японских отношений в 1920-е гг. – с завершающей стадии военной интервенции Японии на Дальнем Востоке до вторжения японских войск в Маньчжурию в сентябре 1931 года.

В первой книге опубликованы документы (1921–1925), где речь идет о политике Кремля, направленной на прекращение японской военной интервенции в Приморье и Приамурье (1921–1922); эвакуации японских войск с Северного Сахалина, завершившейся только в мае 1925 г.; установления дипломатических отношений между Москвой и Токио в 1925 г.; предоставлении нефтяных и угольных концессий японцам на Северном Сахалине. В письме Л.М. Карахана Г.В. Чичерину о мерах по реализации Пекинской конвенции отмечается, что открытие в Сеуле (Корея) Генерального консульства представляет для СССР «громадный политический интерес», что впервые за все время существования

²⁰⁰ История сталинского Гулага. Конец 1920-х–первая половина 1950-х гг. Собрание документов в 7-ми томах / Т. 1. Массовые репрессии в СССР / Отв. ред. И. Верт, С.В. Мироненко. М., 2004.

²⁰¹ Москва – Токио: политика и дипломатия Кремля. 1921–1931. Сборник документов. В 2 кн. М., 2007.

«представится непосредственный доступ к корейским делам»²⁰². Со стороны Союза ССР в официальных документах впервые обозначен политический интерес к колониальной Корее.

Во второй книге сборника документов «Москва – Токио» представлены материалы, показывающие, как в сложной международной обстановке на Дальнем Востоке складывались и развивались отношения между Советским Союзом и Японией. Дипотношения, восстановленные в 1925 г., продолжались до вторжения японских войск в Маньчжурию в сентябре 1931 г., разжегшего первый очаг будущей новой мировой войны.

К группе опубликованных источников принадлежат и те, что содержат сведения статистического характера по проблеме политических репрессий. К первым следует причислить издания по рассекреченным материалам региональных управлений ФСБ, собранные по этническому признаку.

В четырнадцати книгах «Корейцы – жертвы политических репрессий в СССР. 1934–1938»²⁰³ содержатся сведения о 6385 репрессированных корейцах в Союзе ССР. Эти сборники документов представляют научный интерес не только в плане значительного пополнения источниковой базы проблемы, но прежде всего раскрытия неизвестных сторон истории российских корейцев периода 1920–1953-х годов.

Краткие биографические справки корейцев с заключением «осужден», «арестован», «расстрелян», «реабилитирован» говорят о деяниях функционировавшего режима. Жертвами этого режима были революционеры, рабочие, студенты, артисты, научные сотрудники, колхозники, учителя и т.д. Следует отметить, что основную массу осужденных составляли простые земледельцы и колхозники.

По мнению В.Ф. Ли, основные проблемы истории государственного терроризма в Союзе ССР заключались, во-первых, в социально-классовой базе революционного переворота (1917) в России. В отличие от

²⁰² Там же. С. 342.

²⁰³ Корейцы – жертвы политических репрессий в СССР. 1934–1938 / Сост. С.Н. Ку. Кн. 1–14. М., 2000–2009.

демократических революций, охвативших западноевропейское, трансатлантическое пространство в XIX и начале XX вв., в России революционное движение развивалось при решающей роли люмпенизированных, деклассированных слоев (люмпен-пролетариата, люмпен-крестьянства, люмпен-интеллигенции, люмпен-милитариата и других деклассированных групп, носителей крайне неустойчивой анархистской, преимущественно разрушительной социальной и политической психологии).

Вторую коренную предпосылку В.Ф. Ли усматривает в энтропийной утрате духовной веры, в первую очередь религиозной. Первое послеоктябрьское десятилетие – это не только период тотальной национализации частной собственности и раскрестьянивания, но и яростного наступления советской власти на вековые устои священной религиозной веры российского населения – христианской, мусульманской, буддийской.

И третья – сущностная причина невиданного разгула политических репрессий в бывшем Союзе ССР коренится в недрах социально-экономической системы пролетарско-социалистического государства. Государственный режим, утвердившийся в 1917 г. начал в первую очередь с тотальной национализации всей собственности – крупной, средней, а затем и мелкой. Предав анафеме законы стоимости, рыночного хозяйства, здоровой конкуренции, основой общества была провозглашена социализированная собственность, которая начисто уничтожила стимулы к производительному труду и технологическому прогрессу²⁰⁴.

Дополнительную информацию о жертвах политических репрессий – корейцев удалось выявить в многотомном издании «Жертвы политических репрессий»²⁰⁵, содержащем сведения о 30 000 репрессированных жителях Иркутской области. Среди них выявлены имена 120 корейцев, не вошедших в

²⁰⁴ См.: Корейцы – жертвы политических репрессий в СССР (1934–1938). М., 2000. Т. 1. С. 18–21.

²⁰⁵ Жертвы политических репрессий. Том 1. Иркутск, 1998.

книгу-памяти «Корейцы – жертвы политических репрессий в СССР. 1934–1938».

В Поморском Мемориале издана книга памяти жертв политических репрессий «Возвращенные имена»²⁰⁶ выявлены 3 корейца, в других региональных книгах-памяти выявлены: Амурская область – 77 корейцев; Коми АССР – 4; Красноярский край – 6; Якутская АССР – 1; Сталинградская область – 1; городах Горький – 1; Курск – 1; Ленинград – 14; Липецк – 5; Москва – 6; Омск – 3; Смоленск – 2; Ульяновск – 3; Хабаровск – 28; Ярославль – 1; всего – 276 человек.

Исследованию процесса политических репрессий способствуют «Сталинские списки» на сайте общества «Мемориал». В этих списках имена людей, осужденных по личной санкции И.В. Сталина и его ближайших соратников по Политбюро ЦК ВКП(б) к разным мерам наказания, в подавляющем большинстве к расстрелу. Впервые эти списки были опубликованы в 2002 г. электронном виде на CD, подготовленном Обществом «Мемориал» и Архивом Президента Российской Федерации. Эти документы (383 списка на 44, 5 тысячи имен) относятся к 1936–1938 гг., когда «списочный» механизм осуждения применялся наиболее часто. В 27 списках выявлены 116 корейцев, арестованные в период с 1 апреля 1937 по 14 апреля 1938 гг., из них 46 имен отсутствует в книгах-памяти «Корейцы – жертвы политических репрессий в СССР. 1934–1938». В ходе исследования были выявлены 404 корейца – жертв политических репрессий, что пополнило статистическую базу поименных жертв репрессий.

Значительный блок архивных документов содержится в сборнике документов «ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос»²⁰⁷ из серии «Документы советской истории». Документы из фондов ЦК РКП(б) – ВКП(б) показывают с одной стороны, каким образом принимались решения по национальным проблемам, а с другой, – как они проводились в жизнь.

²⁰⁶ Возвращенные имена. Архангельск, 1999.

²⁰⁷ ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос 1918–1933/ Сост.: Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. Кн. 1. М., 2005.

Хронологически сборник охватывает период с 1918–1933 гг., от утверждения большевистской власти до окончательного перехода сталинского режима от национально ориентированной политики к политике сугубо централизаторской.

Вторая книга сборника «ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос» серии «Документы советской истории»²⁰⁸ вышла в свет в 2009 г. Хронологически она охватывает 1934–1945 гг. – важный этап в развитии советской политической системы. Этот период характеризуется решительным переходом от национально-дифференцированной политики в отношении многочисленных этнических сообществ к курсу на тотальную унификацию и нивелирование этнонационального многообразия. Все эти процессы происходили на фоне ужесточения тоталитарных форм управления и политических репрессий.

Фактологическая база по исследуемой теме значительно обогатилась после выхода сборника документов «ВКП(б), Коминтерн и Корея. 1918–1941»²⁰⁹. В этом сборнике содержатся важнейшие документы Коминтерна и корейского коммунистического движения, позволяющие проследить сложную и противоречивую историю взаимоотношений Коминтерна и корейских коммунистических организаций, оценить позицию Исполкома Коминтерна по важнейшим вопросам социально-политической борьбы в Корее в те годы. В Корее постоянные полицейские репрессии против корейских коммунистов препятствовали им проводить в жизнь установки Коминтерна. В Союзе ССР положение корейских коммунистов также оказалось в трудном и трагическом положении, с начала 1930-х гг. репрессии последовали в ходе проверки кадров.

И.В. Сталин и другие руководители ВКП(б) и советского правительства были уверены, что через аппарат Коминтерна и его звенья проходит главный канал проникновения в СССР враждебных элементов, шпионов и

²⁰⁸ ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945 / Сост.: Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая, Дж. Кадио. М., 2009.

²⁰⁹ ВКП(б), Коминтерн и Корея. 1918–1941 / Отв. ред. Харуки Вада, К. Шириня. М., 2007.

диверсантов. Известно, что в те годы активно поощрялся институт доносительства. Нередко одни корейские коммунистические работники писали разоблачительные доносы на других. Эти доносы отражают тяжелую атмосферу подозрительности и поощряемой шпиономании, сложившуюся в СССР и в аппарате Коминтерна.

Среди опубликованных источников следует выделить ряд документальных материалов о репрессиях 1937–1938 гг., опубликованных в журналах: «Известия ЦК КПСС»²¹⁰, «Исторический архив»²¹¹, «Военно-исторический архив»²¹², «Военно-исторический журнал»²¹³, «Вопросы истории»²¹⁴, «Отечественная история»²¹⁵. Особую ценность представляет публикация в них таких исторических документов как «Закрытое письмо ЦК ВКП(б) от 29 июля 1936 г. «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока»²¹⁶, стенограмма февральско-мартовского (1937) пленума ЦК ВКП(б)²¹⁷. В 2004 г. в журнале «Вопросы истории» В.П. Даниловым был опубликован документ «Национальный состав арестованных за время с 1 января 1936 г. по 1 июля 1938 г.»²¹⁸, где дается численность и корейской национальной группы (5161 человек)²¹⁹.

В августе 2012 г. Информационным агентством Ариран.Ру была опубликована подборка документов «Депортация корейцев СССР», выявленных О.А. Ли в Центральном архиве Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ)²²⁰. Несомненно, это свидетельствует о том, что проблемой занималась не одна служба НКВД–МВД Союза ССР, а и другие органы власти. Это опровергает и фабрикуемое в исторической науке

²¹⁰ Известия ЦК КПСС. 1989. № 3, 4; 1990. № 1.

²¹¹ Исторический архив. 1992. № 1; 1993. № 3, 6.

²¹² Военно-исторический архив. 2003. № 15; 2004. № 7–12; 2005. № 1–6.

²¹³ Военно-исторический журнал. 1988. № 12; 1989. № 3; 1993. № 1–8.

²¹⁴ Вопросы истории. 1991. № 6; 1992. № 8; 1995. № 4.

²¹⁵ Отечественная история. 1993. № 4; 1997. № 5.

²¹⁶ Известия ЦК КПСС. 1989. № 3, 4.

²¹⁷ Военно-исторический журнал. 1993. № 1. С. 60–63.

²¹⁸ Центральный архив ФСБ РФ. Ф. 3, оп. 5, д. 572.

²¹⁹ Данилов В.П. Сталинизм и советское общество // Вопросы истории. 2004. № 2. С. 169–175.

²²⁰ См.: Ариран.Ру публикует документы ЦА ФСБ России о депортации советских корейцев / Корейская папка / Сост. О.А. Ли // <http://www.Arirang.ru/news/2012/12069.htm>

утверждение о якобы сфальсифицированных документах НКВД СССР о депортации. Аналогичные материалы можно встретить в архивах Прокуратуры СССР и в Российском государственном военном архиве (РГВА).

В монографии использованы материалы газет «Правда», «Известия», «Тихоокеанская звезда», «Красное Знамя», «Амурская правда», «Сонбон» («Авангард» на кор. яз.). Необходимо отметить, что с первой половины 1930-х гг. информация в газетах носила характер парадности, имеющиеся недостатки в сельском хозяйстве и других сферах социалистического строительства замалчивались, или связывались с происками империализма и его агентуры. Автором проанализированы газетные материалы с 1920 по 1937 гг., посвященные корейцам Дальнего Востока, которые позволяют хронологически точно представить процесс становления корейского меньшинства, показать роль и место корейцев в развитии экономического сектора и в этнокультурном строительстве советского Дальнего Востока. В этих статьях содержатся частично сведения и о политических репрессиях, которые предпринимались в отношении корейцев.

Богатый материал о жизни российских корейцев в 1990-е гг. содержится в газетах «Народ», «Российские корейцы», «Корейская диаспора», «Ариран», «Корё ильбо». В периодической печати довольно обстоятельно рассказывается о различных переменах в жизни граждан корейской национальности в регионах Российской Федерации, о проводимых мерах по национально-культурному развитию корейцев, о политических репрессиях, о беженцах корейской национальности, прибывающих на жительство из государств СНГ и др.

Важный фактический материал содержит «Энциклопедия корейцев России»²²¹. В ней приводятся исторические данные, конкретно касающиеся истории российских корейцев, указаны имена людей, подвергшихся

²²¹ Энциклопедия корейцев России / Ред. Цой Броня. М., 2003.

политическим репрессиям, даются воспоминания родных и близких о депортации.

Опубликованные источники свидетельствуют о том, что авторами уделялось большое внимание выявлению документов и материалов, связанных не только с депортацией корейского меньшинства, но и другие не менее важные вопросы истории общности – российские корейцы.

Такой подход в 1990–2010-е годы вполне объясним. Он соответствовал вызовам времени. Необходимо было дать ответ, что же происходило в советском обществе в 1920–1930 годах, почему именно таким образом развивались события в сфере межэтнических отношений. Была ли возможной другая, противоположная политика, базировавшаяся на принципах межэтнического мира, согласия в обществе?

Опираясь на итоги работы названных исследователей, выявленные новые архивные документы, материалы, представленные в публицистике, в монографии ставится задача с учетом развивавшихся событий в 1920–1930 годы показать жизнь советских корейцев на территории Дальнего Востока. Советские корейцы, как составная часть общества, принимали активное участие во всех социально-экономических процессах Союза ССР. Важно показать роль и место этнической общности в этих процессах, проходивших в экстремальных условиях для всего населения страны. В ходе национально-государственного строительства Союза ССР руководством страны предпринимались самые изощренные методы репрессивных воздействий в нарушение всех норм и правил Конституции СССР. События, происходившие на Дальнем Востоке, характерны для всего Союза ССР.

Следует иметь в виду, что до настоящего времени и в отечественной, и в зарубежной историографии не было специальных исследований по рассматриваемым в монографии направлениям проблем. Представленный труд не претендует на полное освещение исследуемых вопросов. Автор будет благодарен за критические замечания, которые будут учтены в дальнейшей работе.